

SVET SVET SVET

4 ב"ה

АДАР 5767
МАРТ 2007
MARCH 2007
ZHIZN'-LIFE

Мошиах

ДА ЗДРАВСТВУЕТ
ЛОБАВИЧСКИЙ РЕБЕ
КОРОЛЬ МОШАХ!

Главный редактор:
раввин МОШЕ-ХАИМ ЛЕВИН
Редактор:
НАФОЛИ ЭСТУЛИН
Литературный редактор:
ЭЛИ ЭЛКИН
Редколлегия:
д-р ШЛОМО РОЗЕНОЕР,
ЭЛИ ЛЮКСЕМБУРГ
Корректор:
СОФИЯ АРЛОЗОРОВ
Дизайн, графика, рисунки:
ХАЯ-ЗОЯ ЯНКОВСКАЯ
Администратор:
ИЕГУДИС ЭЛКИНА

**Адрес издательства
«СВЕТ МОШИАХА»**

НЬЮ-ЙОРК
SVET Moshiach
605 Ocean Parkway,
Brooklyn, NY 11218
Тел.: 718-854-0006
Факс: 718-871-6955
E-mail: svet@moshiach.com

ЛОС-АНДЖЕЛЕС
Chabad Russian Immigrant
Program and Synagogue
7636 S. Monica Blvd.,
Los Angeles, CA 90046
Тел.: (323) 848-2999

ИЗРАИЛЬ
Kiryat-Malaki, 70900
Chabad, 144/21
Тел. 972-8-850-1627
E-mail:
svet_moshiacha@yahoo.com

Журнал «СВЕТ МОШИАХА»
выходит ежемесячно.
Для оформления подписки
звоните по вышеуказанным
телефонам.
Цена годовой подписки
(12 номеров):
в Израиле – 50 шекелей,
в США - \$18.
Розничная цена:
в Израиле – 5 шекелей,
в США - \$1.50.

Печатается в Израиле
© «Свет Мошиаха»
Использование материалов
и их перепечатка
только с разрешения
издательства

ZNIZN-LIFE
(ISSN #1060-4278, USPS 007-474)
is published monthly
by the Chabad Russian
Immigrant Program and Synagogue,
7636 S. Monica Blvd.,
Los Angeles, CA 90046
**regular subscription price is
\$18 per year.**
Periodicals postage paid
at Los Angeles,
California and additional entry point.
POSTMASTER send address
change to ZHIZN-Life
7636 S. Monica Blvd.,
Los Angeles, CA 90046
Phone (323) 848 2999

На обложке:
израильский музыкант,
барабанщик-перкуссионист
Моше Янковский
(материал о нем читайте
на стр. 27-29)

ПРАЗДНУЕМ ПУРИМ!

Пост Эстер, предвещающий праздник Пурим, выпадает в этом году на субботу 13 Адара (3 марта) и поэтому переносится на предшествующий этой субботе четверг, 11 Адара (1 марта). Пост начинается с рассветом и заканчивается с выходом звезд (приблизительно 18:25). Свиток Эстер, который принято читать и слушать в Пурим дважды, читают первый раз вечером, на исходе субботы, 13 Адара (3 марта) и днем, 14 Адара (4 марта).

За более подробной информацией обращайтесь в местные центры ХАБАДА.

С РЕДАКТОРСКОГО СТОЛА

ТАНЦУЯ НА ГОЛОВЕ... 3

ЛЕТОПИСЬ ХАБАДА

КОРОЛЕВА Х.Кац 4

СЛОВА, ИДУЩИЕ ИЗ СЕРДЦА

СЛАВА ДОЧЕРИ КОРОЛЕВСКОЙ из писем Ребе 5

ФАРБРЕНГЕН

КИТАЙСКИЙ КВАРТАЛ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ Х.Фридман 6

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ

ТАЙНЫ СВИТКА ЭСТЕР Й.Михельсон 8

ПОСЛАННИКИ

КОГДА НА СЕВЕРЕ ШЛА ВОЙНА Ц.Вентура 10

В НАШЕ ИНТЕРЕСНОЕ ВРЕМЯ

ОДНАЖДЫ 20 ЛЕТ СПУСТЯ 11

ДОРОГА В ЛЮБАВИЧИ

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ З.Голдин 12

ВЕТВИ ХАСИДСКОЙ МЕНОРЫ

УЧИТЕЛЬ РЕБЕ (ОКОНЧАНИЕ) Ребе РАЯЦ 14

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

ВОЛЧОНОК ИТРО (ОКОНЧАНИЕ) Э.Люксембург 18

ЧЕТЫРЕ ЛОКТА ЗАКОНА

“БЛАГОДАРИЮ ТЕБЯ...” 22

ЖИЗНЬ С РЕБЕ

СЕРЕБРЯНАЯ ЧАША ДЛЯ ПРОРОКА М.Шварц 23

А МЫ СМЕЕМСЯ...

СТИХИ О НЕИЗВЕСТНОМ ХАСИДЕ М.Залихватский 26

ЛЮДИ НАШЕГО КРУГА

МУЗЫКАНТ Э.Элкин 27

	5 АДАРА (23 февраля)		12 АДАРА (2 марта)		19 АДАРА (9 марта)		26 АДАРА (16 марта)	
	Зажиг.	Исход	Зажиг.	Исход	Зажиг.	Исход	Зажиг.	Исход
ИЕРУСАЛИМ	16:52	18:09	16:57	18:14	17:02	18:19	17:07	18:24
ТЕЛЬ-АВИВ	17:15	18:11	17:21	18:16	17:26	18:21	17:31	18:26
ХАЙФА	17:14	18:09	17:19	18:15	17:25	18:20	17:30	18:25
ЭЙЛАТ	17:17	18:11	17:22	18:16	17:26	18:20	17:31	18:24
НЬЮ-ЙОРК	17:21	18:21	17:30	18:30	17:37	18:37	18:45	19:44
ЛОС-АНДЖЕЛЕС	17:26	18:22	17:32	18:28	17:38	18:33	18:43	19:49
ТОРОНТО	17:40	18:42	17:29	18:29	17:57	18:59	19:06	20:08
МОСКВА	17:31	18:47	17:46	18:01	18:01	17:16	18:15	19:30

После зажигания свечей произносят:

БОРУХ АТО А-ДЭЙ-НОЙ Э-ЛО-ХЭЙНУ МЭЛЭХ ХОЭЙЛОМ АШЕР КИДШОНУ БЭМИЦВЭЙСОВ
ВЭЦИВОНУ ЛЕХАДЛИК НЭЙР ШЕЛ ШАББОС КЕЙДЭШ

ТАНЦУЯ ~~ВН~~ ГОЛОВЕ, СОХРАНЯЙТЕ ЦЕНТР ТЯЖЕСТИ!..

В Пурим еврею позволено многое. Например, хорошо выпить. Или устроить шумное представление. Или замаскироваться, надев маску и переодевшись в костюм другой эпохи, галактики, измерения. Пурим – это день, когда все наоборот. Черное становится белым, глупость превращается в мудрость, зло оборачивается добром...

Странно, не так ли? Весь год еврей живет, чинно и мирно исполняя предписания Творца, молясь и изучая святую Тору... И вдруг наступает день, когда нужно стать на голову, задрать ноги вверх и веселиться до упаду! Зачем все это? Неужели нельзя справиться Пурим более спокойно? К чему весь этот маскарад? Грохот трещоток и шум в синагоге? Нельзя ли без этого обойтись?..

Оказывается, нельзя. Более того, в этот день быть серьезным категорически противопоказано!.. А чтобы понять – почему, давайте для начала немного пофилософствуем.

Еврейская традиция, освященная веками, гласит, что праздник Пурим сохранит свое значение в дни Мошиаха. Такие знаменательные события, как Песах, Шавуот и Суккот, чье празднование предписано нам САМОЙ ТОРОЙ, отойдут в прошлое. А вот Пурим останется!..

В чем же его исключительность?

Всевышний не часто балует нас открытыми чудесами, такими, например, как во время Исхода, и предпочитает, чтобы ход событий развивался ЕСТЕСТВЕННО, а чудо было бы закономерным его финалом. Так было в дни, предшествующие первому празднику Пурим, так продолжается до сего дня. Сокрытие Всевышнего в Пурим настолько очевидно (звучит парадоксально!), что кажется, будто все события, даже великие чудеса, происходят сами по себе, обретая как бы силу и полномочия для самореализации.

«А при чем же здесь эпоха Мошиаха?» – спросит кто-то. Так ведь именно в дни Мошиаха полностью раскроется тот потенциал, который заложен в нашу повседневную действительность изначально! Только сейчас она серая, обыденная, а с приходом Мошиаха – засверкает, начнет переливаться всеми цветами радуги и даже новыми цветами, о существовании которых мы пока и не подозреваем.

Пурим, единственный из всех праздников, наполнен тем же содержанием и несет в себе ту же идею. Поэтому и не утратит он своего значения и с приходом Мошиаха, вполне гармонируя этой эпохе.

Вот и веселимся мы, переворачивая все вокруг себя с ног на голову, хотя весь год сохраняли нормальное положение и устойчивое равновесие. И не предполагаем даже, что «нормальность» эта – под очень большим сомнением. Ведь эпоха Мошиаха – это самая что ни на есть настоящая реальность. Праздник Пурим, который подстать ей, тоже. И на ногах твердо мы стоим лишь в этот день, раз в году. А все остальное время ходим вверх тормашками!..

Как-то один древнегреческий ученый безапелляционно заявил: «Дайте мне точку опоры, и я переверну Землю!» Никто ему эту точку не дал. А если бы даже он ее получил, вряд ли справился бы со своей затеей. А вот мы, в отличие от Архимеда, можем это сделать. Наша точка опоры – это наш Ребе, который уже давно начал переворачивать Землю. Значит, и мы способны на такое. Главное, танцуя на головах, сохранять центр тяжести. Шаг влево, шаг вправо – и равновесие потеряно.

Так давайте же праздновать Пурим!

Мир ждет, мир жаждет, чтобы его перевернули!..

Королева

ХАНА КАЦ

Отношение евреев к королевской власти и аристократизму человеку непосвященному понять трудно. Образ короля у нашего народа весьма далек от общепринятого. Еврейский монарх никоим образом не призван служить символом грозного могущества королевской власти. Даже богатством и великолепием он блистать не обязан. Одно из немногих личных сокровищ лидера еврейского народа – свиток Торы, который он должен постоянно носить с собой. Сам же еврейский монарх – это, прежде всего, посланник и слуга Всевышнего, призванный своим служением пробуждать в подданных страх перед Б-гом и любовь к Нему.

Скромность еврейского лидера, нежелание выставлять себя напоказ наиболее ярко проявляется в его половине — в королеве. В то время, как еврейский народ обращает свои взоры к королю за вдохновением и в поисках духовной опоры, тот, в свою очередь, обращается за тем же к своей супруге. Королева даже в большей степени чем король связана с физическим миром.

Она не стремится к независимости и проявлению собственной индивидуальности. Ей чуждо понятие «эмансипация». И величие, и скромность, - два совершенно противоположных качества, - присущи ей одновременно.

Все вышесказанное мы можем с полной уверенностью отнести к ребецин Хая-Мушке Шнеерсон, супруге Нынешнего Любавичского Ребе Короля Мошиаха. Ребецин была и остается истинной еврейской королевой, возвышенной и скромной, обладающей Б-жественной мудростью и талантом понять каждого, кто раскрывал перед ней свою душу.

Ребецин Хая-Мушка всегда понимала, какая великая миссия поручена ей. Кто такой Ребе и что такое быть Ребе она знала лучше, чем кто бы то ни было, поскольку сама являлась дочерью Ребе. Она была беззаветно предана своему отцу, Предыдущему Любавичскому Ребе Йосеф-Ицхаку, еще в России помогая ему нести свет Торы и заповедей вопреки царившей в те годы тьме. Она же впоследствии стала источником душевных сил для своего мужа, Ребе.

После кончины отца, в 5710 (1950) г., чуткая душа ребецин уловила общее настроение в среде хасидов ХАБАДа. Большинство из них пребывало в смятении. Почти все они чувствовали себя детьми, оставшимися без любящего отца. Хасидские старейшины обратились к рабби Менахем-Менделу Шнеерсону, зятю Ребе, с просьбой принять на себя руководство общиной, но он категорически отказался. И тогда ребецин задала своему мужу единственный вопрос, который изменил весь ход событий: «Неужели суждено пропасть бесследно тому, ради чего предыдущие поколения были готовы на саможертвование?»

Но даже после того, как Ребе встал во главе хасидов ХАБАДа и начал переворачивать мир (в самом буквальном смысле этого слова), ребецин предпочла пребывать в тени, сохраняя при этом свое прежнее величие – величие истинной королевы.

Воспоминания тех, кто знали ребецин, сходятся в одном: она обладала острым умом и ее знания Торы были по истине глубоки. И все это – в сочетании с мягким юмором, живым вниманием к собеседнику, умением держать себя с ним на равных и в то же время вести себя с королевским достоинством.

Однажды кто-то из хасидов сказал ребецин, что она и Ребе заслуживают настоящего счастья от своих хасидов. И ребецин ответила: «Наше счастье – когда мы слышим о вашем счастье».

«СЛАВА ДОЧЕРИ КОРОЛЕВСКОЙ...»

из писем
Ребе

(свободное изложение)

С Б-жьей помощью
12 Адара II, 5714 (1954) г.
Бруклин, Нью-Йорк

К еврейским женщинам, да благословит вас всех Всевышний!

Благословение и мир!

Приближается праздник Пурим, а вслед за ним – праздник Песах. И самое время в эти дни вспомнить и поразмыслить о почетной обязанности, возложенной Свыше на каждую еврейскую женщину, о великой роли, которую сыграли еврейские женщины в истории этих праздников, и конечно же о том, какой урок, следует из этого извлечь.

Все женщины должны исполнять особые заповеди праздников Пурим и Песах (слушание свитка Эстер, чтение пасхальной Агады и т.д.). Так предписывает Тора. И это – не приказ (поскольку женщины, согласно букве Закона, освобождены от исполнения многих заповедей), а привилегия, награда за особую заслугу. Ведь именно благодаря еврейским женщинам пришло чудесное спасение “в те дни, в это время”.

В свитке Эстер подробно рассказывается о том, как в заслугу царицы Эстер было совершено чудо для всего еврейского народа. И именем этой праведницы мудрецы назвали пост, который предшествует Пуриму, и сам свиток (Мегилат Эстер), в котором изложена история праздника.

Что касается праздника Песах, то ведь именно еврейские женщины поддерживали своих мужей в дни тяжелого, унижительного египетского рабства. Именно они воспитали поколение, которое удостоилось принять Тору у горы Синай и войти в Священную Землю.

Стоит отметить, что роль еврейской женщины во время египетского рабства отличается от ее роли в дни правления царя Ахашвероша. В Египте силы женщин были сосредоточены прежде всего на том, чтобы сохранить еврейский дом,

чистоту семьи, скромность, благочестие и веру, как сказано: “Слава дочери королевской в красоте души ее”. История же Пурима показывает нам, что Б-жественное Провидение способно наделить еврейскую женщину величием и могуществом, и что эти достоинства она должна использовать всецело во благо своего народа. Вплоть – до готовности к самопожертвованию. И как пример этому – поступок Эстер, которая действовала в точности согласно указаниям великих мудрецов Торы.

И Пурим, и Песах – два вечных свидетельства, подтверждающих великую преданность еврейской женщины Торе и ее заповедям. Эти праздники – живое доказательство того, что и в доме, и вне дома еврейская женщина может и должна сделать все возможное, чтобы сохранить святые традиции и законы нашего народа, не щадя для этого ни сил, ни жизни самой.

Еврейские жены, матери и дочери!

Вы должны твердо следовать примеру наших праматерей, хранить эту вечно живую связь поколений и всегда помнить, что будущее еврейского народа во многом зависит от вас! Искренняя преданность нашему святому делу обязательно привлечет помощь Свыше, и, как это было в дни Эстер, исчезнут любые трудности и преграды. И конечно же Всевышний обязательно пошлет Свои щедрые благословения вам и всем вашим близким – и в материальном, и в духовном.

Желаю веселого праздника Пурим и счастливого и кошерного праздника Песах.

С благословением
М. М. Шнеерсон

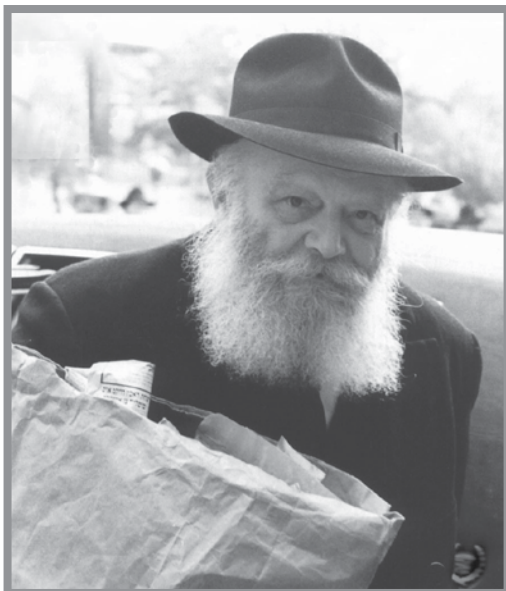
ОСОБЫЕ ДАТЫ МЕСЯЦА АДАР:

6 АДара I 5749 (1989) г.
– йорцайт рабби Шмарьягу Гурари, зятя Предыдущего Любавичского Ребе Йосефа-Ицхака, и шурина Нынешнего Ребе Менахем-Мендла.

9 АДара II 5700 (1940) г.
– Предыдущий Любавичский Ребе Йосеф-Ицхак прибывает в США на постоянное место жительства. В этот же день им была учреждено американское отделение главной любавичской йешивы «Томхей Тмимим»

16 АДара 5709 (1949) г.
– Предыдущий Любавичский Ребе Йосеф-Ицхак принимает американское гражданство.

25 АДара 5561 (1901) г.
– день рождения ребецин Хаи-Мушки Шнеерсон, дочери Предыдущего Любавичского Ребе Йосефа-Ицхака и супруги Нынешнего Ребе Менахем-Мендла

КИТАЙСКИЙ КВАРТАЛ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

О ЛЮБАВИЧСКОМ РЕБЕ

МЕНАХЕМ-МЕНДЕЛЕ ШНЕЕРСОНЕ

СВЕТЛАЯ ЭПОКА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В 1976 году фотограф Леви-Ицхак Фрейдин проводил выставку своих работ в Доме журналистов «Бейт-Соколов» (Тель-Авив). Выставка имела общее название «770» («Севен Севенти»). Фотографии изображали Ребе, фрагменты из молитв, общую атмосферу Центральной Любавичской синагоги, хасидскую жизнь бруклинского района Краун-Хайтс. Выставка собрала довольно много посетителей – вначале в Тель-Авиве, а затем в Иерусалиме, куда Леви-Ицхак впоследствии ее перевез.

И хотя успех превзошел все ожидания фотографа, не обошлось без знаменитой ложки дегтя. Один из журналистов оставил следующий комментарий в гостевой книге: «При всем своем уважении к выдающемуся мастерству художника хочу заметить, что тема, выбранная в качества сюжета, - сугубо клерикальная. Все это производит крайне гнетущее впечатление и возвращает нас в беспросветную тьму средневековья».

«Во время своего очередного визита в Нью-Йорк, - рассказывал Леви-Ицхак, - я записался на прием к Ребе. С собой я взял ту самую гостевую книгу. Ребе пролистал ее и остановился на этом комментарии. Он прочитал его, улыбнулся и сказал: «Молодец. Нужно быть достаточно смелым, чтобы высказывать мнение, отличное от всех остальных. Передайте ему это при случае», - и добавил: «Но все-таки он должен знать, что в эпоху средневековья тьма была не такой уж беспросветной. Кроме того, пусть он просмотрит свои газеты. Так ли уж светло сегодня на политической арене?..»

ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ НА МАРСЕ?

В ранние годы развития космонавтики профессор Грин активно сотрудничал с НАСА. Во время одной из встреч с Ребе профессор

поделился результатами научных исследований. Помимо прочего, он рассказал о том, что попытки ученых найти следы внеземных цивилизаций пока что не увенчались успехом. «Может быть, стоит прекратить поиски? – спросил профессор Грин. – В конце концов, ключевым моментом веры является прежде всего то, что нет иной разумной жизни вне планеты Земля!..» «Не стоит ограничивать возможности Всевышнего, - ответил Ребе. – Продолжайте поиски. Есть иная форма цивилизации или нет таковой – это прежде всего вопрос ученых, а не вопрос веры».

ДОМ, ОТКРЫТЫЙ ДЛЯ КАЖДОГО

В связи с семидесятилетием, в 5732 (1972) г. Ребе, проводя фарбринген, призвал к открытию семидесяти новых любавичских центров. Раввин Шломо Кунин, главный посланник Ребе в Калифорнии, взял на себя организацию десяти из них. На этом же фарбрингене рабби Кунин вручил Ребе символический ключ от нового любавичского центра, не так давно открытого при Калифорнийском Университете в Лос-Анджелесе. Ребе взял ключ и сказал: «Если вы вручаете мне ключ, значит этот дом становится моим домом. А раз уж это мой дом, я хочу, чтобы он был открыт 24 часа в день и семь дней в неделю, чтобы каждый, кому нужна помощь, мог придти сюда в любое время».

СЕРЬЕЗНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Один молодой человек из Детройта довольно активно участвовал в деятельности местного Любавичского Центра, руководил которым раввин Берел Шемтов. Но, несмотря на свою активность, наотрез отказывался исполнять заповедь тфиллин. «Я по природе своей – очень обязательный человек, - объяснял он, - и не могу брать на себя такую серьезную ответственность. Тфиллин ведь нужно возлагать ежедневно».

Собираясь как-то по делам в Нью-Йорк, раввин Шемтов угорил молодого человека поехать с ним и посетить Ребе. Тот согласился.

На первую свою встречу с Ребе молодой человек пошел один. Когда он вышел из кабинета, тот тут же сообщил потрясенному раввину, что не намерен откладывать и попросил помочь ему надеть тфиллин прямо сейчас. «Как же ты решился? – спросил раввин Шемтов. – Все-таки – каждый день...» «Не каждый, - ответил молодой человек. – Ребе сказал, что в субботу возлагать тфиллин не нужно».

СВЕРХТОЧНОСТЬ

Одно время (было это в начале 50-х, когда Ребе только встал во главе ХАБАДа) мидьян, с которым молился Ребе, посещал Томашпольский Ребе.

После одной из поездок на Оэль (место погребения Предыдущего Любавичского Ребе), Ребе вернулся с наступлением темноты. Мидьян, с которым Ребе обычно молился, терпеливо ждал его возвращения, чтобы прочитать послеполуденную молитву «Минха». Войдя в синагогу, Ребе посмотрел на Томашпольского Ребе и негромко спросил: «Не поздновато ли?», - и услышал в ответ: «Время, когда молится Ребе, самое правильное время для молитвы».

«Я НЕ МОГУ НАРУШАТЬ СУББОТУ...»

Это произошло в субботу днем, во время традиционного субботнего фарбренгена в «Сефен Севенти». Сотни людей заполнили просторный зал синагоги, чтобы послушать беседу Ребе.

Войдя в зал синагоги, Ребе прошел на свое место, сел и некоторое время продолжал сидеть не произнося ни слова. Стояла тишина. Собравшиеся ждали. Ребе продолжал молчать. Секретари, стоявшие неподалеку, обменивались вопросительными взглядами. Молчание длилось еще несколько минут. Наконец, Ребе повернулся к тем, кто находился поблизости, и едва слышно, буквально одними губами произнес: «Я не могу нарушать субботу». Почти мгновенно ситуация прояснилась. Один из секретарей догадался, что у кого-то из присутствующих в синагоге гостей спрятан включенный магнитофон. Этого человека нашли, после чего Ребе начал свое выступление.

ЧТО БЕСПОКОИТ РЕБЕ

Один из секретарей, войдя в кабинет, увидел, что Ребе чем-то обеспокоен. Лицо его было серьезным, а глаза – печальными. В среде хасидов ХАБАДа не принято расспрашивать Ребе о его настроении, но все же секретарь, собравшись с духом, решился на этот шаг.

«Здесь, в Кроун-Хайтсе, - ответил Ребе, - живет одна немолодая уже пара. Они воспитали, слава Б-гу, шестерых детей. Мальчики подросли, женились и разъехались по миру как посланники ХАБАДа. Самой младшей в этой семье была единственная дочь. Но вот пришло время, она вышла замуж, и ей с мужем предложили роль помощников в одном из Любавичских центров – на другом конце земного шара. Они спросили моего совета. Я ответил, что решающее слово – за родителями жены. И мать с отцом – зная, что они остаются теперь одни – согласились отпустить свою дочь!..»

«Сейчас молодые вместе с родителями в аэропорту – прощаются друг с другом. – добавил Ребе после некоторого молчания. – Плачет дочь, плачут мать с отцом... Да, конечно, это слезы радости... Но если они плачут, могу ли я оставаться спокойным?..»

НОЧЬ ПОСЛЕ ТРУДНОГО ДНЯ

Когда последний посетитель покинул кабинет Ребе, до рассвета оставались считанные часы. Ребе вызвал секретаря и попросил принести ему всю полученную за день корреспонденцию. Секретарь вышел и вскоре вернулся с несколькими связками писем, которые выложил на столе аккуратными стопками.

Ребе пододвинул ближайшую стопку и вскрыл первый конверт. Судя по тому, как Ребе внимательно изучает содержание письма и делает пометки, секретарь понял, что и остальные письма ждет та же процедура. Пребывая в легком замешательстве, секретарь задумался. Он знал, что прием посетителей требует огромного запаса душевных и даже физических сил, что Ребе не позволил себе ни минуты перерыва, принимая людей чуть ли не всю ночь. И вот сейчас еще Ребе собирается отвечать на все присланные ему письма!..

Секретарю очень хотелось предложить Ребе пойти домой и хотя бы немного отдохнуть, а просмотр корреспонденции отложить до утра, но он не решился прервать Ребе в середине работы.

Тогда секретарь написал записку, где изложил свои соображения, и закончил ее вопросом: «После такого трудного дня, Ребе, возможно, нуждается хотя бы в коротком отдыхе?» Записку он положил на верхнее письмо очередной стопки.

Ребе прочитал записку, посмотрел на секретаря и улыбнулся: «Хотите, чтобы ответ на ваш вопрос я тоже отложил до завтра?» - и взял следующее письмо.

КИТАЙСКИЙ КВАРТАЛ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ

Один из сенаторов штата Нью-Йорк записался однажды на прием к Ребе. Встреча длилась около часа, и сенатор вышел из кабинета совершенно ошеломленный. «Я многое слышал о вашем Ребе, но даже не представлял себе насколько он велик!», - сказал он секретарю.

И сенатор рассказал, что по ходу беседы он задал Ребе несколько вопросов, касающихся благоустройства еврейской общины. Ребе дал ряд рекомендаций, а затем попросил об услуге. «Честно говоря, - сказал сенатор, - я подумал, что Ребе, как и все остальные религиозные деятели, с кем я встречался до этого, заведет разговор о деньгах. Но я ошибся. Ребе совершенно неожиданно для меня заговорил о растущей китайской общине! Он сказал, что жители китайского квартала – настолько спокойные, законопослушные и трудолюбивые граждане, что о таких должно мечтать любое правительство. Но поскольку американцы – довольно открытый народ, а китайцы, наоборот, замкнуты, сдержанны и молчаливы, их зачастую обходят стороной социальные правительственные программы. И Ребе предложил мне присмотреться и прислушаться к нуждам этих людей...»

«Я был просто потрясен! – продолжал рассказывать сенатор. – Ваш Ребе руководит общиной из нескольких тысяч человек только в одном в Нью-Йорке. Кроме того, любавичские организации расположены по всему штату. Я уже не говорю о других странах. Идя на прием, я был настроен на то, что Ребе обязательно попросит о помощи, и был готов обеспечить эту помощь. Но Ребе ни словом об этом ни обмолвился!.. Уверен, что ваш Ребе никогда не бывал ни в китайском квартале, ни в его окрестностях. Думаю даже, что большинство жителей этого квартала ничего о Ребе не знает. И тем не менее, он заговорил о них, об их проблемах. Вот это настоящий лидер!»

Составила ХАВИ ФРИДМАН

1

Итак, место действия – Персия, время действия – 3405 (355 до н. э.) г. от сотворения мира. Ахашверош, могущественный и грозный владыка, возвеличивает одного из своих царедворцев, Амана, и наделяет его почти неограниченной властью. Новоиспеченный министр, интриган и антисемит по совместительству, пользуясь полномочиями, решает свести счеты с ненавистными ему иудеями. Он добивается от царя указа, согласно которому в течении одного дня, 14-го числа месяца Адара, все еврейское население Персии – от мала до велика – будет уничтожено. Но Всевышний милостив к Своему народу. Еврейский народ спасают раскаяние и молитвы. И, конечно же, вмешательство Эстер, перед красотой которой могущественный Ахашверош устоять не смог. Евреи спасены, их враги уничтожены, а инициатор всей этой интриги, Аман, вздернут на виселице. Вместе с ним повешены и десять его сыновей. И вот здесь начинается тайна.

2

«В столице моей, Шушане, иудеи убили пятьсот человек и с ними – десятых сыновей Амана... Скажи, что еще за желание у тебя? И будет оно исполнено», – обращается Ахашверош к Эстер. «...Пусть же повесят десятых сыновей Амана!» – отвечает Эстер (9:12-14).¹ Странная, необъяснимая просьба.

ТАЙНЫ СВИТКА ЭСТЕР

ЙЕГУДА МИХЕЛЬСОН

Книга Эстер, повествует о событиях, благодаря которым возник в еврейском календаре праздник Пурим. На первый взгляд, перед нами – классическая восточная цветистая история о том, как красавица-еврейка очаровала могучего персидского владыку и тем самым спасла свой народ от гибели. Красивая сказка со счастливым концом – не больше. И читая ее, как-то легко забываешь о том, что книга Эстер – часть Торы, и как вся Тора – полна величайших тайн, разгадать которые простому смертному не под силу. Давайте еще раз развернем древний свиток и попробуем внимательно вчитаться в его строки. Кто знает, может быть нам удастся хотя бы прикоснуться к одной из его тайн...

Ведь сыновья Амана уже мертвы! Более того, они – уже повешены! Зачем же убивать их повторно?

Прежде чем ответить на этот вопрос, обратим внимание на одну любопытную деталь. Свиток Эстер – единственная книга Торы, в которой ни разу **открыто** не упоминается имя Всевышнего. Слово «открыто» подчеркнуто не случайно. Наши мудрецы объясняют, что персидский владыка Ахашверош, главный герой событий, описанных в свитке Эстер, – олицетворение Высшего Владыки здесь, на земле (Вавилонский Талмуд, тр. «Мегила», 11 а). Внимательный читатель, должно быть, заметит, что по ходу книги Эстер, обращаясь к Ахашверошу, всегда использует слово «царь». Комментаторы объясняют это тем, что на деле Эстер обращалась к Владыке всех владык, самому Всевыш-

нему. И вот здесь-то напрашивается предположение: а не направлена ли просьба Эстер в будущее?..

3

Перенесемся в середину XX-го столетия, в год 1946-й по гражданскому летосчислению.

Только что закончилась Вторая Мировая война, и мир приступил к подведению страшных ее итогов. С 20 ноября 1945 по 1 октября 1946 года в Международном военном трибунале в Нюрнберге (Германия) проходил международный судебный процесс над главными нацистскими преступниками. Перед судом предстала группа нацистских лидеров, наиболее активно пытавшихся решить ими же придуманный «еврейский вопрос». Одиннадцать из них были приговорены к казни через повешение.² В отношении десяти других приговор привели в исполнение, а одиннадцатый покончил с собой.

Снова вернемся к свитку Эстер. В начале предпоследней главы, в стихе, где перечисляются имена десяти повешенных сыновей Амана, бросаются в глаза четыре буквы: *Тав*, *Шин* и *Зайн*, которые написаны намного меньше остальных, и *Вав*, которая написана значительно крупнее.

Как известно, каждая буква еврейского алфавита имеет свое числовое значение. Попробуем перевести

четыре «нестандартные» буквы свитка Эстер в цифры. Невероятно!.. Из первых трех – *Тав-Шин-Зайн* - складывается календарный год в традиционном еврейском написании³ - 5707-й или же 1946-й по обычному летосчислению. Что же тогда означает крупная буква *Вае*? Ее числовое значение – шесть, а это прямой намек на шестое тысячелетие, то есть – нынешнюю эпоху!.. А все вместе - год казни 10-и нацистских преступников...

Любопытная деталь: один из приговоренных, Юлиус Штрайхер, идеолог фашизма и главный редактор антисемитского издания «Штюрмер», когда его подводили к виселице, в каком-то жутком предсмертном озарении закричал: «Праздник Пурим 46-го!»

4

«Но загадка решена не до конца!» - воскликнет дотошный читатель, и будет прав. Как быть с судьбой одиннадцатого преступника? Он вроде бы не совсем вписывается во всю эту картину...

Комментарии к свитку Эстер сообщают нам интересный факт. У Амана, помимо десяти сыновей, была, оказывается еще и дочь. Жизнь она прожила чрезвычайно короткую, а смертью умерла чрезвычайно глупой, если не сказать – абсурдной.

Один из эпизодов книги рассказывает нам о том, как Ахашверош в знак благодарности за спасенную ему жизнь возвеличил своего спасителя Мордехая (6:1-11). Монарх велел одеть его в царские одежды и посадить на белого жеребца. Вести коня под уздцы и громко сообщать о величии Мордехая было поручено Аману, который никогда, наверное, до этого не испытывал большего унижения.

Здесь дочь Амана и допустила оплошность, стовившую ей жизни. Выглядывая из окна своего дома, она предположила, что на коне во всем своем блеске и величии сидит ее отец. И тотчас же выплеснула вниз горшок с нечистотами, намереваясь жестоко унижить, как ей казалось, шагающего рядом с конем Мордехая. Осознав чудовищность своей ошибки, она выбросилась из окна и разбилась насмерть.

Какая же связь между этим событием и судебным процессом в Нюрнберге?..

Одиннадцатым нацистским преступником, которому удалось избежать виселицы, был Герман Геринг. Его нашли мертвым в камере, возле унитаза, то есть рядом с нечистотами. Экспертиза показала, что он отравился, раскусив ампулу с ядом. Кроме того, согласно последованным исследованиям выяснилось, что Геринг был трансвеститом, носившим под мундиром женское белье...

5

Итак, все кусочки мозаики встали на свои места, явив нам удивительную картину – одну из величайших тайн древнего свитка. Но все же картина эта не будет цельной, если мы не дополним ее еще одним любопытным эпизодом, контекст которого все тот же – возмездие Всевышнего, наступившее врага еврейского народа...

Руки этого человека никогда не были обагрены кровью, и он лично никогда не нажимал на курок, чтобы выстрелить в затылок своей жертве. Но именно в его чудовищно извращенном мозгу зародился план истребления миллионов евреев. И не будет преувеличением сказать, что он – самый зловещий убийца всех времен и народов.

Достойный тезка своего вождя, Адольф Эйхман, архитектор геноцида, создавший маниакальную теорию «Окончательного решения еврейского вопроса» и сумевший воплотить ее в жизнь, по праву заслужил себе место в аду рядом с самыми жестокими злодеями-преступниками, оставившими в истории свой кровавый след.

В октябре 1944 года в уже горящем Берлине Эйхман доложил Гиммлеру, что, по его подсчетам, четыре миллиона евреев были уничтожены в лагерях смерти и еще два миллиона погибли от рук карательных отрядов, которые действовали в России. Он был доволен своими успехами, но жалел о том, что не достиг большего.

В хаосе последних дней «третьего рейха» Эйхман исчез. За его голову была назначена награда. В 1950-м году, пользуясь фаль-

шивыми документами, Эйхману вместе с семьей удалось бежать в Аргентину.

В 1959 г. израильская разведка заинтересовалась личностью скромного служащего филиала «Мерседес-Бенц», расположенного в одном из пригородов Буэнос-Айреса. Звали этого человека Риккардо Клемент. За его домом было установлено тщательное наблюдение.

Возмездие свершилось в месяце Адар, почти сразу же после праздника Пурим. 24 марта 1960 года Клемент, явился домой с огромным букетом цветов. Израильские агенты были на седьмом небе от радости: проверка показала, что эта дата – день свадьбы четы Эйхманов.

Судебный процесс над нацистским палачом длился почти полгода. 1 декабря 1961 года Эйхман был приговорен к смертной казни, войдя в историю как первый и единственный нацистский преступник, казненный на земле Израиля. В мае 1962 г. приговор привели в исполнение. Адольф Эйхман был повешен, труп его был сожжен, а прах развеян над морем...

¹ Здесь и далее цитируется книга Эстер.

² Из протоколов суда явно следует, что двенадцатым приговоренным был Мартин Борман, личный секретарь Гитлера. Однако, по официальной версии, он погиб 2 мая 1945, покончив собой. Точно это было установлено лишь в 70-е годы. А тогда, в 1946 г. Международный военный трибунал в Нюрнберге судил Бормана заочно, приговорив его к смертной казни.

³ Согласно гиматрии год 5707 правильнее было бы написать *Хэй-Тав-Шин-Зайн*, поскольку числовое значение буквы *Хэй* - пять (*Тав* – 400, *Шин* – 300, *Зайн* – 7, в сумме – 707), но при указании даты эта буква обычно опускается.

Жарким летним днем я шел по одной из улиц Рамат-Гана, совершая традиционную предсубботнюю прогулку, которая на языке ХАБАДа называется «мивцоим». Люди шли мне навстречу, люди шли в одном со мной направлении. Кто-то торопился, кто-то шел не спеша. Но все как один – с одинаково хмуро-озабоченными лицами. Радости в глазах не было ни у кого.

Ливанская артиллерия забрасывала «кастюшами» север страны. Палестинские «касамы» летели на Сдерот и Ашкелон. Гибли наши солдаты. Жители Цфата, Маалота, Акко, Хайфы спешно эвакуировали самих себя. Стремительно падал курс доллара. Правительством бездействовало. Напряжение, которым был пропитан воздух, можно было ощутить физически.

Я шел, растерянный и смущенный, заглядывал в лица прохожих, и настроение мое безнадежно портилось. В голове крутилась единственная мысль: «Кому я сейчас здесь нужен – со своими пропагандистскими листовками и брошюрами?..»

Я уже начало было прислушиваться к угрызениям совести, как вдруг неподалеку от меня остановилась инвалидная мотоколяска. Сначала мои глаза задержались на небольшом желтом флажке с короной Мошиаха, прикрепленном к раме мотоколяски. Затем я перевел взгляд на ее хозяина, пожилого человека. Он припарковал свое транспортное средство возле магазина и, сильно хромая, ступил на тротуар. Гладко выбритое лицо, цветная гавайская рубашка, легкие летние брюки, сандалии на босу ногу – типичный светский израильтянин. И лишь голову его украшала черная ермолка с надписью по всему диаметру «Йехи Адонэйну Морэйну Верабейну Мелех а-Мошиах Лезйлом Возд». Увидев такое необычное зрелище, мог ли я продолжать пребывать в унынии?

КОГДА НА СЕВЕРЕ ШЛА ВОЙНА

ЦВИ ВЕНТУРА

Слово за слово, мы разговорились. «Это?.. – вопросом на вопрос ответил мой новый знакомый, указывая на флажок. – А почему бы и нет?.. После того, что Ребе для меня сделал...»

Людская река текла мимо нас по обе стороны, мы же продолжали беседу.

«Я родом из Польши, – рассказывал мой собеседник. – После войны оказался в Канаде. Жил там довольно долго, нашел работу, женился. В 1983 г. у меня родилась девочка. Мы с женой назвали ее Керен. Вскоре выяснилось, что у девочки – проблемы с сердцем. Ей требовалось постоянное медицинское наблюдение. А потом врачи сообщили нам, что Керен срочно необходима операция. Мы тогда только-только отпраздновали ее третий день рождения.

Слава Б-гу, мне посоветовали обратиться за благословением к Любавичскому Ребе.

До сих пор помню эту поездку в Нью-Йорк, огромную очередь в тысячу человек. Я тогда впервые увидел Ребе. Он внимательно посмотрел на меня, и я почувствовал, что этот взгляд направлен в самое сердце. Мне стало страшно. Мгновенно пропал дар речи. С трудом я заставил себя говорить. Выслушав мою историю, Ребе вручил мне долларовую банкноту, благословил девочку на скорейшее выздоровление, сказал, что не видит необходимости в операции, и порекомендовал как можно скорее забрать Керен из больницы.

Лишь оказавшись дома, я окончательно осознал, что произошло. Я плакал как ребенок и никак не мог успокоиться.

Мне не пришлось воевать с медицинским персоналом. Все решилось само собой. Очередное медицинское обследование показало, что с девочкой все нормально. Главный врач хирургического отделения был очень удивлен. «В операции нет никакой необходимости», – сказал он. Но я уже слышал эти слова, поэтому промолчал.

Я сблизился с ХАБАДом, был еще несколько раз у Ребе, получал от него доллары. Не так давно мы перебрались сюда, в Эрец-Исраэль. Моей Керен уже двадцать три, подыскиваем ей жениха...»

Мой собеседник умолк, потом улыбнулся. «А это... – он указал пальцем на флажок, а затем на свою ермолку, – этим я отдаю Ребе дань уважения. Сообщаю всем и каждому, кто такой Ребе...»

Мы разошлись, каждый – по своим делам. На севере по-прежнему шла война, на юге – тоже. Но несмотря на хмурые лица прохожих в моей душе стало немного светлее. Я понял, что думать за других – глупое и неблагоприятное занятие. И еще я понял, что не стоит делать выбор за кого-то, потому что сделать свой выбор человек способен сам.

Самое верное – добросовестно выполнять свою работу и помнить, что лучше тебя никто с ней не справится. А если будет очень трудно, Ребе обязательно придет тебе на помощь...

ОДНАЖДЫ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Историю эту раввин Йосеф Рейзес слышал от раввина Гуркова из Монреаля, а тот – от самого участника событий, который пожелал не раскрывать своего настоящего имени.

Господин Соломон, серьезный и преуспевающий бизнесмен, получил однажды выгодное деловое предложение. В случае успеха сделка принесла крупную прибыль, хотя изначально и требовала значительных капиталовложений. Риск был велик, и господин Соломон задумался.

Своими сомнениями он поделился с одним знакомым. Тот, будучи любавичским хасидом, порекомендовал господину Соломону написать Ребе и спросить совета. Поколебавшись, бизнесмен согласился.

Прошла неделя, другая, третья... Ответное письмо от Ребе не приходило. В конце концов, господин Соломон решил, что ждать дольше нет смысла. Он согласился на предложение, подписал необходимые бумаги, вложил нужную сумму и... не прогадал. Успех от сделки превзошел все ожидания.

А вскоре пришло письмо от Ребе. Господин Соломон с большим недоверием повертел конверт в руках – открывать, не открывать? «Когда мне нужен был его совет, он мне не писал. А сейчас, когда я разбогател, нашлись и время, и желание!» Господин Соломон бросил нераспечатанный конверт в ящик стола и вскоре забыл о нем...

Прошло двадцать лет. Подросла одна из дочерей господина Соломона, и родители стали подумывать о том, чтобы найти ей подходящего жениха. Но девушка, полагая, что она достаточно взрослая, сама предприняла кое-какие усилия и познакомилась с симпатичным молодым человеком, умным, состоятельным и целеустремленным. И хотя у ее знакомого были сефардские корни, а сама она, как и ее отец, вела свой род от ашкеназийских евреев, это не показалось молодым людям препятствием для создания семьи.

У господина Соломона, однако, были другие взгляды на этот вопрос, и вскоре между отцом и дочерью состоялся неприятный разговор. Господин Соломон категорически заявил, что не допустит подобного брака. Девушка умоляла, просила, требовала, но отец был непоколебим.

- Я все равно выйду за него замуж!

- В таком случае я порву с тобой все отношения!..

Этот внутрисемейный конфликт с дочерью, которую он очень любил, совершенно выбил господина Соломона из колеи. Он остро переживал размолвку, но в то же время не желал уступать ни на шаг. Дочь тем временем прекратила с отцом всякие контакты и старалась попадаться ему на глаза как можно реже.

В один из дней, погруженный в свои невеселые размышления, господин Соломон перебирал бумаги в ящике своего стола и вдруг обнаружил запечатанный конверт. Он взглянул на адрес отправителя и даже вздрогнул от неожиданности.

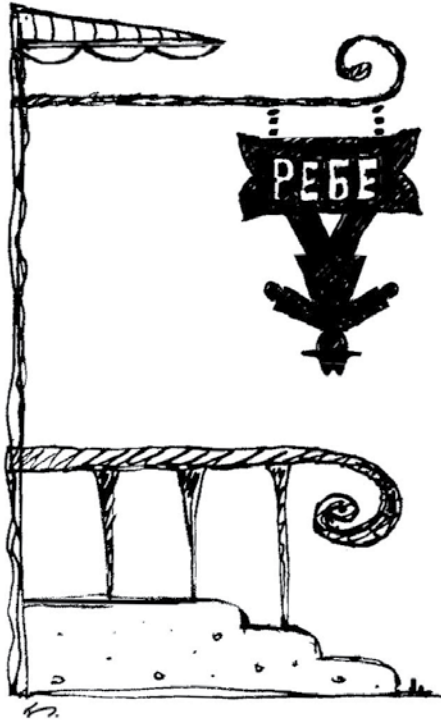
Тысячи бумаг перебывало в ящике с тех пор, сотни раз наводил он там порядок и почему-то не замечал этого письма, о котором, собственно, давно уже забыл.

«Интересно было бы узнать, о чем же все-таки меня тогда просили», - подумал господин Соломон и разрезал конверт.

Письмо начиналось с благословения на успех в бизнесе. Затем Ребе затрагивал тему заработка и писал о том, что если еврей ведет свое дело согласно законам Торы, он заслуживает двойного Б-жественного благословения: у него будет хороший заработок, и все доходы пойдут по назначению. Ребе также желал господину Соломону удостоиться всех благ Свыше и особенно – счастья от детей.

В самом конце шла приписка: «...Известно, что в наше время мы не должны быть чересчур щепетильными в вопросах родословной. Смотреть же нужно лишь на уровень богобоязненности человека. Сотни «смешанных» свадеб между потомками сефардских и ашкеназийских евреев справляются сегодня по всему миру, и, слава Б-гу, браки эти успешны, а семьи – счастливы...»

Понадобилось какое-то время, чтобы господин Соломон пришел в себя. Дата письма и штемпель на конверте не оставляли даже повода для сомнений. Это было действительно то самое письмо, которое он двадцать лет назад получил от Ребе...

Рабби Шмуэль Мункес. Так звали одного из самых близких хасидов рабби Шнеур-Залмана из Ляд. Он примкнул ко двору Старого Ребе, обладая уже достаточным запасом знаний Торы, но продолжал усердно учиться и служить Всевышнему всем своим сердцем. Правда, форма служения у него была довольно необычной – смех да шутки...

Почему-то принято считать, что человек религиозный должен быть в первую очередь серьезным и строгим, особенно, если дело касается вопросов веры и Б-жественного Учения. Рабби Шмуэль Мункес уверенно ломал этот стереотип. Он беззлобно подшучивал над друзьями, поднимая их настроение и веселя их сердца. Он высмеивал гордецов и лицемеров, побуждая их к раскаянию. Он веселил своих товарищей, зная, что только радость способна пробить любые стены и смести с пути все преграды. Хасиды любили рабби Шмуэля – за веселый нрав, за неумение падать духом из-за пустяков. Порой и сам Ребе искал его совета в нелегкие для себя моменты жизни...

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

ЗЕЕВ ГОЛДИН

ИСТОРИИ ИЗ ЖИЗНИ РАББИ ШМУЭЛЯ МУНКЕСА

ТОВАРНЫЙ ЗНАК

Мастер на розыгрыши и неожиданные трюки, рабби Шмуэль Мункес однажды повис вниз головой на воротах дома Ребе. Вскоре вокруг него собралась толпа удивленных хасидов. Каждому хотелось знать, что означает это загадочное представление.

- Что вы на меня так смотрите? – спросил рабби Шмуэль, продолжая висеть вниз головой и придерживая ермолку. – На доме портного висят ножницы, на мастерской сапожника – башмак, на булочной – крендель. А на воротах дома Ребе должен висеть хасид!..

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

Это случилось во время месяца Элул.

В местечке, где жил рабби Шмуэль Мункес, появился однажды магид (странствующий проповедник). В сопроводительном письме, которое он предоставил руководству местной еврейской общины, говорилось о том, что «податель сего письма» – великий праведник, добровольно отправивший себя в изгнание ради того, чтобы, странствуя из города в город, выступать перед евреями и вдохновлять их на служение. Будучи людьми простыми, но богобоязненными, жители местечка единодушно согласились его послушать.

Когда местная синагога заполнилась, магид начал свою речь. Он говорил долго и страстно, сурово обвиняя своих слушателей в тяжких грехах, пробудивших гнев Всевышнего и ставших причиной жестоких и страшных наказаний, которые обрушились на еврейские общины. Единственное, что сможет облегчить тяжесть наказаний, ниспосланных небом и ожидающих евреев в дальнейшем, говорил он, это – раскаяние. Слушая слова магида, люди плакали, с болью в сердце осознавая тяжесть своих проступков и страшась Б-жественной

кары. Закончив речь, магид, довольный результатом проповеди, сказал, что желает немного отдохнуть и отправился к себе в комнату. Там он стал готовиться к короткому отдыху.

Прошло какое-то время, и дверь комнаты тихо открылась. Магид поднял голову. На пороге стоял рабби Шмуэль Мункес. В одной руке он держал длинный нож, во второй – точильный камень. Рабби Шмуэль вошел, закрыл за собой дверь, запер ее на замок и молча принялся точить нож о камень. Так прошло несколько минут.

Магид первым нарушил молчание.

«Скажи, пожалуйста, любезный - обратился он к рабби Шмуэлю, - что это ты делаешь?» Не отрывая взгляда от ножа, раб Шмуэль ответил: «Как известно великому и уважаемому наставнику, жители этого местечка – люди простые, неученые. Должно быть, по незнанию мы совершили столь много тяжких грехов, что Всевышний не удостоил нашу общину праведником или мудрецом». «Да, - сказал проповедник, - пожалуй, так и есть. Но все-таки, для чего ты точишь нож?» «...Еще ребенком я слышал от отца, - продолжал свою речь рабби Шмуэль, - как важно перед праздником Рош-Ашана посетить могилу великого праведника, чтобы попросить его душу помолиться за отпущение грехов». Магид согласился и с этим утверждением рабби Шмуэля, но так и не понял, почему тот точит нож в его комнате. «...А самая ближайшая могила праведника - продолжал рабби Шмуэль свой монолог, словно не замечая недоумения собеседника, - находится довольно далеко от нашего местечка, и не всем под силу такое путешествие».

После этих слов магид ощутил легкое беспокойство. На лбу его выступили капли пота: «Но ты все еще не объяснил мне, для чего ты точишь свой нож в моей комнате!» Рабби Шмуэль удивленно посмотрел на мага и ответил: «Неужели вы до сих пор этого не поняли? Я точу свой нож в вашей комнате, потому что нашему местечку нужна могила праведника!»

Магид, уже не сомневаясь в намерениях гостя, пролепетал, заикаясь от испуга: «Да, но я вовсе не такой уж великий праведник, как тебе кажется. Есть на моем счету несколько грехов...» - и он принялся перечислять их. Рабби Шмуэль выслушал и сказал, что все эти проступки он даже бы не причислил к грехам, настолько они несущественны. «В моих глазах, - добавил он, - вы по-прежнему праведный и благочестивый еврей».

Дрожащим голосом магид ответил, что помимо этих грехов он совершал и другие, более серьезные, и назвал их. Рабби Шмуэль успокоил его и сказал, что в памяти местного населения он все равно останется истинным праведником.

Разговор продолжался еще какое-то время. Магид каялся, а рабби Шмуэль утешал его и заверял, что по сравнению с ним самим и остальными жителями местечка он – совершенный и великий праведник.

В конце концов, магид рассказал о самом тяжелом своем грехе и признался в том, что никакой он не проповедник, рекомендательное же письмо – обыкновенная подделка. Тогда рабби Шмуэль снял с себя маску простака, сурово отчитал самозванца за причиненные своим братьям страдания и велел ему немедленно покинуть деревню...

ВЕЛИКИЙ КРУГ... ВЕЛИКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК...

Однажды по дороге в Лиозно рабби Шмуэль Мункес встретил еврея, который шел в том же направлении. Они разговорились. «Мне говорили, будто в Лиозно живет какой-то раввин, чуть ли не мудрец, - поведал рабби Шмуэлю его новый знакомый, - и что этот самый раввин – большой знаток Кабаллы. Вот и иду к нему, чтобы проверить, может ли он в своих знаниях сравниться со мной!..»

Рабби Шмуэль на мгновение онемел, но быстро пришел в себя. «Слава Б-гу! – радостно закричал он. - Какое счастье, что я вас встретил! Я ведь тоже иду в Лиозно! И тоже хочу проверить – так уж ли велики знания этого раввина. А что за вопросы вы хотите ему задать?..»

Выслушав собеседника, рабби Шмуэль восхищенно заметил: «Вы – настоящий мудрец, - и поспешно добавил: - Можно попросить вас об одной услуге?» Польщенный «мудрец» кивнул. «Дело в том, что вот уже несколько лет меня беспокоит отрывок из одной священной книги. Не помню ни ее названия, ни имени того, кто ее написал. Не могли бы вы вместе со своими вопросами задать этому раввину и мой? Я просто боюсь опозориться в его глазах. Вы же, как видно, выдающийся мудрец Торы и смогли бы при случае с ним поспорить». «И что же это за вопрос?» «Сейчас, сейчас, - забормотал рабби Шмуэль, прикрывая глаза и морща лоб. – Э-э-э... Вначале был Полный Хаос и Разрушение, затем все стало Единым Целым, после чего пришло к Уровню Великого Круга. Система Трех Линий была приложена к Уровню Великого Круга, и в результате Великий Круг превратился в Великий Треугольник с Точкой в центре. Наконец, путем комбинации Основы Воды с Основой Огня все завершилось, и результат был хорош...»

«Мудрец» задумался. «Возможно, это одна из тех редких рукописей, до которых я пока еще не добрался, - глубокомысленно изрек он. – Но твой вопрос я обязательно задам. Посмотрим, что он мне на него ответит!»

Прибыв в Лиозно, «мудрец» немедленно потребовал встречи с Алтер Ребе. Войдя в кабинет, он представился длинным и громким титулом и сразу же начал задавать вопросы. Вопрос рабби Шмуэля был последним в этом перечне.

Алтер Ребе спокойно выслушал своего гостя и сказал: «Начнем с конца». Гость не возражал. «Хаос... Единое Целое... Круг... Треугольник... – Ребе внимательно посмотрел на «мудреца». – Похоже, что это – рецепт креплаха, а? Вначале берут муку, затем замешивают тесто, которое раскатывают в круг, отрезают три края и получается треугольник, в центр которого кладут мясо. Тесто заворачивают, бросают в воду и варят на огне...»

Притихший, покинул еврей кабинет Ребе. От былой его спеси не осталось и следа. Опустив глаза, он вышел во двор и, не оглядываясь, зашагал домой...

...Через некоторое время Ребе позвал к себе рабби Шмуэля. Когда тот вошел в комнату, Ребе посмотрел на него и спросил: «Ну? Твоя работа?!..»

Учитель Ребе

из записок рабби Йосеф-Ицхака Шнеерсона

Окончание, начало в №№ 1-3

РАББИ МИХЕЛЬ ОПОЦКЕР

Прошло еще несколько дней, и хасид, который взялся доставить Шмуэль-Бецалеля в Опоцк, сообщил юноше, что завтра они отправляются в дорогу. Накануне отъезда хасиды собрались в синагоге, чтобы проводить Шмуэль-Бецалеля и благословить его. Со смешанными чувствами покидал он Свенцяны. Его сердце наполняли одновременно и радость, и грусть.

Когда лошади тронулись в путь, и повозка затряслась по пыльной проселочной дороге, Шмуэль-Бецалель стал умолять своего провожатого, чтобы тот взял его с собой в Любавичи, настолько сильным было его желание увидеть Ребе. Хасид категорически отказался. «Решать такие вопросы – не в моей власти, это решает община, - ответил он и, улыбнувшись, добавил: - Ну и кроме того, как мне кажется, тебе все же лучше для начала некоторое время провести в доме у рабби Михеля. Визит в Любавичи нужно заработать». «Хотя бы ненадолго!.. – продолжал упрашивать юноша, - я пробуду там ровно столько, сколько пробудете вы, а на обратном пути вы завезете меня в Опоцк!..» Хасид покачал головой: «Прямая дорога – самая лучшая. Не стоит делать такой крюк. Тебе нужно в Опоцк и я тебя привезу в Опоцк».

В Опоцк они прибыли за три дня до праздника Пурим. Рабби Михель приветствовал гостей традиционным «Шолом Алейхем» и спросил, глядя на Шмуэль-Бецалеля: «Так это и есть одна из тех душ, «которую вы приобрели» в Свенцянах? Очень хорошо!»

Рабби Михель встретил Шмуэль-Бецалеля тепло и радушно и сразу же приступил к делу. Для начала он объяснил своему гостю, что такое – учение хасидизма. Это – исключительно сложная система духовного служения, и чтобы преуспеть в ее изучении, человеку необходима помощь Свыше. В одиночку здесь не справится. Главная же особенность этого служения заключается в правдивости, в истинности всего, что делаешь. Нельзя здесь ни перехитрить себя, ни обмануть. Рабби Михель рассказал Шмуэль-Бецалелю о новом подходе к учению Баал-Шем-Това, начало которому положил Алтер Ребе. Юноша слушал своего нового учителя и чувствовал, что Тору ему преподносят, словно будущему прозелиту. И от этого желание стать истинным хасидом разгоралось в его сердце еще сильнее.

Сам рабби Михель вел уединенный образ жизни. Он проводил почти все свое время на чердаке, где изучал Тору и молился. Никто не имел права подниматься туда, кроме его нового ученика. Как это ни выглядело странным в глазах юноши, но Рабби Михель ни разу не бывал в Любавичах. Единственным Ребе, с которым он встречался, был Алтер Ребе. Четыре часа рабби Ми-

хель провел с Ребе, находясь в Лиюзно, и после этого никого из Ребе больше не посещал.

«Мне не подняться до их уровня, - говорил рабби Михель, - и им – не ограничить своего сияния, чтобы опуститься до моего уровня. Но Алтер Ребе знал, как это делать...»

Если кому-нибудь из хасидов, направлявшемуся в Любавичи, случалось проезжать Опоцк, рабби Михель встречал этого человека и провожал его несколько верст. За исключением этих случаев, он никогда не покидал свой дом.

Несмотря на свои обширные и глубокие познания в Торе, рабби Михель отказывался от позиции раввина города. Он вообще старался как можно реже вступать в разговоры, избегал общения и вел, как уже было сказано, замкнутый образ жизни, всецело посвятив себя учебе и молитве.

ПОДГОТОВКА

Шмуэль-Бецалель провел в доме рабби Михеля полтора года, изучая под бдительным его присмотром открытую часть Торы и хасидизм. Благодаря этой учебе юноша научился постигать самые, на первый взгляд, абстрактные концепции хасидизма.

Но вот наступил день, когда рабби Михель сообщил юноше, что не желает больше видеть его у себя дома в качестве ученика. «Никакой пользы от дальнейшего пребывания здесь ты не приобретешь, лишь потеряешь время, - сказал рабби Михель и добавил: - Пора отправляться в Любавичи».

Когда Шмуэль-Бецалель услышал слова учителя, сердце его учащенно забилося, а на глазах выступили слезы. Долгожданный момент наступил. И все же изучение хасидизма на протяжении долгого периода времени не прошло для юноши бесследно. Разум воцарился над чувствами, и Шмуэль-Бецалель спокойно ответил, что готов отправляться в Любавичи прямо сегодня, но прежде рабби Михель должен научить его, что, в первую очередь, нужно спросить у Ребе, как вести себя и о чем говорить. Рабби Михель согласился и ответил на все вопросы ученика.

Поскольку уже наступил месяц Элул, Шмуэль-Бецалель решил провести предстоящие праздники с учителем, а уж потом отправляться в путь. Дни эти были наполнены трепетом предстоящего путешествия, тревогой и радостью одновременно.

Когда праздники прошли, Шмуэль-Бецалель начал собираться в дорогу. Он интенсивно повторял изученное, в то же время постигая новое, тщательно анализировал свои мысли, чувства и поступки, настраиваясь на великую встречу, которой уже столько времени ожидал.

Прощаясь со своим учеником, рабби Михель благословил его словами Торы и вручил сложенный втрое лист бумаги. «Это письмо ты должен передать Ребе во время первой встречи, - произнес он и строго добавил: - Не смей даже заглядывать туда!..»

ЛЮБАВИЧИ

В Любавичи Шмуэль-Бецалель решил добираться пешком. Множество деревень и местечек прошел юноша, прежде чем дошел до Добромысля, предпоследнего пункта в своем путешествии. Накануне первого дня первого месяца Адара, в четверг, юноша покинул и этот город, а к вечеру добрался до местечка Березовня, которое находилось от Любавичей в семи верстах. Здесь Шмуэль-Бецалель остановился на ночлег в ближайшей корчме. Спать он пошел рано, договорившись с трактирщиком, что тот разбудит его после полуночи, предварительно разузнав, кто из постояльцев тоже следует в Любавичи.

Около часа ночи трактирщик разбудил юношу. Нашелся попутчик, мясник по профессии, который планировал быть в Любавичих задолго до рассвета. Вместе они отправились в путь.

Когда Шмуэль-Бецалель вошел в Любавичи, было еще темно. Попутчик показал ему синагогу и ушел по своим делам. Шмуэль-Бецалель осторожно вошел внутрь. В синагоге уже находилось несколько молодых людей, занятых изучением Торы. Увидев вошедшего, они поприветствовали его и спросили, откуда он. Разговора, однако, не получилось. Шмуэль-Бецалель на приветствие и вопросы отвечать не стал. Он прошел в угол синагоги, где стояла печка, и сел на ближайшую к ней скамейку. Прогреть и уставший, юноша согрелся и уснул.

Разбудил его чей-то голос, громко произносивший имя учителя. Шмуэль-Бецалель поспешно вскочил на ноги. «Кто здесь с письмом от Михеля Опоцкера?» - прокричал тот же голос. «Я!» - выкрикнул Шмуэль-Бецалель, выбираясь из угла. «Что ж ты молчишь? - спросил седебородый старик, сердито глядя на юношу. - Я звал трижды!.. Ступай за мной. Ребе хочет видеть тебя».

Страх охватил юношу, мысли смешались. Неужели встреча с Ребе произойдет сейчас? Неужели наступил тот момент, которого он так долго ждал? Не чересчур ли быстро?.. Старик молча смотрел на юношу тем же сердитым взглядом. Он был явно недоволен поведением Шмуэль-Бецалеля.

РЕБЕ

Комната Ребе оказалась очень просторной. Вдоль стен стояли полки с книгами - до самого потолка. Сам Ребе сидел за большим столом, на котором лежали книги, записки и письма, стояло несколько кружек с

монетами и две зажженные свечи. «Почему ты не послушался своего учителя? - сразу же спросил Ребе, глядя на вошедшего юношу. - Он ведь запретил тебе заглядывать в письмо». Шмуэль-Бецалель почувствовал, что еще немного - и потеряет сознание. Взгляд Ребе проникал насквозь, до самого сердца. Но что он мог ответить?..

...Письмо рабби Михеля юноша бережно хранил внутри сюртука, осознавая важность порученной ему миссии. Ослушаться учителя он боялся, понимая, что написанное кроет в себе какую-то великую тайну, смысл которой доступен лишь Ребе и особо приближенным к нему хасидам. И в то же время искушение было слишком велико. В один из дней путешествия юноша не удержался и развернул письмо. К своему величайшему изумлению Шмуэль-Бецалель ничего прочитать не смог. Лист оказался абсолютно чистым!..

...Вручив дрожащей рукой письмо Ребе, Шмуэль-Бецалель не выдержал столь сильного потрясения и заплакал. Страха и растерянности больше не было. Лишь одна мысль пульсировала в голове: «Рожденный миснагедом должен очиститься, прежде чем стать хасидом»...

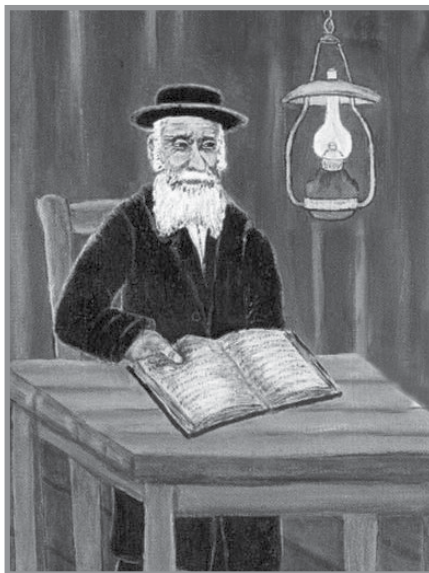
...Прошел день, наступил вечер, а с ним - святая суббота. После вечерней молитвы хасиды не стали расходиться. Шмуэль-Бецалель поинтересовался, почему никто не уходит домой. Ему ответили, что все ждут Ребе.

Прошло около получаса и в зал синагоги вошли несколько человек, внешний вид, одежда и осанка которых не вызвала сомнений в том, что вошедшие пользуются здесь особым почетом и уважением. Люди эти, как выяснил Шмуэль-Бецалель, оказались сыновьями Ребе. Они заняли место около возвышения. Следом за ними вошли несколько почтенного вида хасидов. Они поднялись на возвышение.

Собравшиеся в синагоге еще теснее столпились вокруг бимы. Напряжение ожидания передалось и Шмуэль-Бецалелю. Сердце его учащенно забилось. Он не обращал ни малейшего внимания на то, что его то и дело толкают и наступают на ноги. Юноша, словно завороченный, смотрел на дверь.

Вдруг толпа распалась на две половины, образуя широкий проход. В зал вошел Ребе. Он был одет в субботние одежды - шелковый белый сюртук и белый штраймл, отороченный мехом. Ребе поднялся на биму, сел в кресло и мгновенно наступила тишина.

«Когда деньгами будешь ссужать...»¹, - начал Ребе свою речь стихом из Торы и продолжил: - Слово кесеф ("серебро") соотносится с душой, ибо душа постоянно желает и стремится (кесеф) вознестись к высотам. Об этом говорит нам Тора: "...дух человека возносится ввысь".² "Человек" (адам) указывает на души Израиля, как сказано: "Вы (Израиль) называетесь адам".³

Душа, как и деньги, дается человеку «взаимы». Написано: «Дни сотворены...», ⁴ то есть, отпущено определенное число дней, которое каждый человек должен прожить. И если один день упущен – упущено одно одеяние...»⁵

Слова Ребе потрясли Шмуэль-Бецалеля до глубины души, и он ощутил небывалый духовный подъем. Завершив свою беседу, Ребе вышел, вслед за ним вышли его сыновья. Хасиды тоже стали постепенно расходиться, обсуждая только что услышанное учение. Шмуэль-Бецалель был приглашен в дом реб Довида Церкеса, одного из местных жителей. Там же он и остался ночевать.

После субботы Шмуэль-Бецалель попытался добиться встречи с Ребе, но прислужник, рабби Хаим-Дов, категорически отказал юноше.

Спустя несколько дней Шмуэль-Бецалель познакомился с рабби Йегудой-Лейбом, средним сыном Ребе, и тот пообещал походатайствовать за юношу. Слово свое он сдержал, и вскоре Шмуэль-Бецалель встретился с Ребе второй раз.

...Рабби Шмуэль-Бецалель никогда и никому не рассказывал, о чем Ребе говорил с ним в тот день. Лишь слегка приоткрывая завесу тайны, он вспоминал: «Ребе сказал мне: «Ты умеешь учиться. Учись в моей йешиве вместе теми, кто там учится сейчас». Тогда я заплакал и воскликнул: «Но Ребе! Я пришел сюда, чтобы научиться молитве!..» Здесь рабби Шмуэль-Бецалель остановился и не желал рассказывать, что ему ответил Ребе...

На следующий после ауденции день один из прислужников Ребе отыскал Шмуэль-Бецалеля и передал, что, согласно распоряжению Ребе, юноше, как студенту йешивы, назначается еженедельное содержание в размере сорока копеек, и вручил ему первую выплату...

ИСПЫТАНИЕ

Два года Шмуэль-Бецалель провел в Любавичах, всецело погруженный в учебу и молитву. Он сдружился со всеми сыновьями Ребе, и в особенности – с рабби Йегудой-Лейбом и рабби Шмуэлем.

По совету рабби Йегуды-Лейба Шмуэль-Бецалель посватался в женихи к дочери одного из местных зажиточных хасидов, и вскоре в Любавичах праздновали свадьбу. Тесть взялся поддерживать молодую пару на протяжении семи лет, предоставив Шмуэль-Бецалелю возможность продолжать свою учебу.

Семь лет Шмуэль-Бецалель изучал открытую часть Торы и хасидизм. Продвинувшись в учебе ему чрезвычайно помог рабби Шмуэль, младший из сыновей Ребе. Рабби Шмуэль повторял со Шмуэль-Бецалелем все беседы Ребе и часто сообщал какие-то детали, которые слышал от Ребе лишь он.

Когда семилетний срок истек, Шмуэль-Бецалель принял за поиски работы. После некоторых раздумий, он решил заняться торговлей книгами. Это дело принесло ему неплохую прибыль, покрыв все необхо-

димые расходы по дому. А вскоре у рабби Шмуэль-Бецалеля, наконец, родился сын.

Казалось, наступил момент долгожданного покоя.

Однако, испытания, выпавшие на долю рабби Шмуэль-Бецалеля, еще не закончились. Мальчику едва успел исполниться год, как он внезапно заболел. Болезнь протекала очень тяжело, и рабби Шмуэль-Бецалель послешил к Ребе за благословением. Войдя в кабинет, он протянул Ребе записку с просьбой о выздоровлении и, не сдержавшись, заплакал. «Положи на стол», - сказал Ребе.

Хасиды уже знали, что если Ребе не берет записку в руки, а просить положить ее на стол, это – не к добру. Знал об этом и рабби Шмуэль-Бецалель. «Слишком поздно», - тихо произнес Ребе. Вернувшись домой, рабби Шмуэль-Бецалель узнал, что мальчик умер...

ЗАПИСКА

Прошло десять лет. В середине 5626 (1866) г. Ребе поручил рабби Шмуэль-Бецалелю важную и ответственную работу: напечатать книги «Тора Ор» и «Ликутей Тора» с примечаниями, - и отправил его в Житомир. По дороге Ребе велел ему остановиться в Меджибуже и посетить могилу рабби Исроэля Баал-Шем-Това. Ребе также вручил ему записку, которую он должен был прочитать, находясь на этом священном месте.

Множество чудес произошло с рабби Шмуэлем-Бецалелем, пока он был в пути, и он чувствовал, что Ребе всегда находится рядом с ним. Прибыв в Меджибуж и придя на могилу Баал-Шем-Това, рабби Шмуэль-

Бецалель испытал необыкновенное вдохновение. Он вдруг осознал, что прибыл сюда не просто для того, чтобы выполнить просьбу Ребе, а для того, чтобы вымолить у Всевышнего милосердия для самого себя. Содержание записки лишь подтвердило чувства рабби Шмуэль-Бецалеля, и он заплакал. Ребе ходатайствовал за него, просил, чтобы Всевышний даровал рабби Шмуэль-Бецалелю долгую и спокойную жизнь, истинную радость от всех его детей, которые преуспеют в изучении Торы и будут благочестивыми и набожными евреями...

Печальная весть настигла рабби Шмуэль-Бецалеля уже в Житомире: 13 Нисана Ребе скончался.

До праздника Шавуот и далее рабби Шмуэль-Бецалель оставался в Житомире. Лишь в месяце Элул он отправился домой, в Любавичи, чтобы провести там осенние праздники.

Во главе хасидов встал рабби Шмуэль, младший сын Ребе. Он же и поручил в 5629 (1869) г. рабби Шмуэль-Бецалелю посланническую миссию. Рабби Шмуэль-Бецалель должен был объезжать города и местечки, где находились хасидские общины, собирать пожертвования для благотворительных фондов, учрежденных Ребе, пересказывать последние беседы Ребе и передавать его особые указания. С этим поручением рабби Шмуэль-Бецалель побывал в Минске, Витебске, Чернигове, Полтаве и других городах Белоруссии и Украины.

ПОЕДИНОК

В один из дней рабби Шмуэль-Бецалель прибыл в Кременчуг, где жило довольно много польских хасидов. Их взгляды на учение хасидизма и служение отличались от взглядов хасидов ХАБАДа, и одно уже это отличие порождало столкновения и споры.

Среди местных жителей особой тягой к подобному рода дебатам славился некий реб Пинхас, богатый хасид и меценат. Рабби Шмуэль-Бецалеля еще в Любавичах предупредили держаться от этого человека подальше и не вступать с ним ни в какие дискуссии.

Избежать столкновения, однако, не удалось, и инициатором здесь был реб Пинхас сам.

Реб Пинхас твердо придерживался обычая – уstraивать торжественную трапезу в честь любого посланника любого Ребе. А рабби Шмуэль-Бецалель как раз являлся таким посланником. Но прежде реб Пинхас пожелал познакомиться с ним поближе.

Находясь в Кременчуге, как и в любом другом городе, рабби Шмуэль-Бецалель устроил фарбринген во время которого передавал указания Ребе и пересказывал последние его учения. Такой фарбринген и решил посетить реб Пинхас, чтобы понять, что представляет из себя посланник Любавичского Ребе.

Некоторое время он слушал, что говорит рабби Шмуэль-Бецалель, а затем перебил его на полуслове. «Польша дала нам все, что нужно! – выкрикнул он, обращаясь к рабби Шмуэль-Бецалелю. – Польша! Там жил Баал-Шем-Тов, там же жил Межеричский Магид!.. А твои Литва и Белоруссия? Что там есть?..»

«Я вижу, что вы – городской житель, реб Пинхас, – спокойно ответил рабби Шмуэль-Бецалель словно не замечая гневного выпада оппонента, – и никогда не жили в деревне. Это значит, что вы не знакомы с тем, как выращивают лен...» За столом воцарилось молчание. Все глаза были устремлены на говорящего. Молчал и реб Пинхас, пристально глядя на рабби Шмуэль-Бецалеля.

«...Лен выращивают, возделывают и собирают грубые руки земледельца. Из стеблей льна добывают волокна, после чего их превращают в нити, а затем уж делают из этого всевозможные ткани. Но для этого уже требуется фабрика и специальные прядильные машины, которые способны превратить грубый материал в прекрасную материю...»

«...Вы, совершенно правы, реб Пинхас, – продолжал рабби Шмуэль-Бецалель, – и святой Баал-Шем-Тов и Великий Магид, действительно, жили в Польше. Но кто взял их учение, их мудрость и придал им совершенный, законченный вид, сделал их доступными для каждого еврея?.. Ребе ХАБАДа!..»

Ответ рабби Шмуэль-Бецалеля произвел на собравшихся сильное впечатление. Некоторое время люди молчали. Реб Пинхас, осозновав правоту услышанных слов, чувствуя свое поражение и не зная, что возразить, пришел в неопределимую ярость. Тяжелая бутылка полетела в рабби Шмуэль-Бецалеля и ударила его прямо в лоб. Вторая бутылка угодила в руку, и этот,

второй удар оказался настолько сильным, что рабби Шмуэль-Бецалель потерял сознание от боли...

ПОСЛАННИК

Два года рабби Шмуэль-Бецалель исполнял обязанности посланника Ребе, а с 5631 (1871) г. оставался дома, в Любавичах, посвятив часть своего времени изучению Торы. Напарником в учебе у него был рабби Шолом-Довбер, сын рабби Шмуэля, будущий Ребе.

Вскоре рабби Шмуэль-Бецалель перебрался в Кременчуг и раз в год или раз в два года приезжал в Любавичи на осенние праздники. Рош-Ашана 5642 г. (1882) г. особо запечатлелся в его сердце. За два дня до праздника Суккот скончался Ребе, рабби Шмуэль. Домашние Ребе очень тяжело перенесли эту утрату, и рабби Шмуэль-Бецалель оставался в Любавичах до Хануки, находясь рядом с ними и всячески стараясь утешить и поддержать их в эту нелегкую минуту.

Спустя два года рабби Шмуэль-Бецалель переехал в местечко Булгаково. Здесь он организовал кружок по изучению Талмуда, в который набралось двенадцать учеников. По субботам рабби Шмуэль-Бецалель обучал местных жителей философии хасидизма.

Странствия рабби Шмуэль-Бецалеля, однако, не закончились. В 5651 (1891) г. он перебрался в Николаев. Здесь он тоже обучал Торе местную молодежь, а кое-кто из его прежних учеников прибыл вместе с ним. На протяжении недели они изучали хасидские труды, а в субботу повторяли изученное по памяти.

Прошло еще два года. Во главе хасидского движения уже стоял младший сын рабби Шмуэля, рабби Шолом-Довбер (Ребе Рашаб). Он и обратился с просьбой к рабби Шмуэль-Бецалелю стать учителем его сына, рабби Йосеф-Ицхака, будущего Ребе. В 5654 (1893) г. рабби Шмуэль-Бецалель приехал в Любавичи на осенние праздники, и этот день стал днем его окончательного возвращения в Любавичи.

В 5660 (1900) г. Ребе Рашаб предложил рабби Шмуэль-Бецалелю стать духовным наставником (машпиа) в только что открывшейся йешиве «Томхей Тмимим». Этот пост рабби Шмуэль-Бецалель занимал до конца своих дней...

¹«Шмот», 22:24

²Козлет, 3:21

³«Йевамот», 61а

⁴Теилим, 139:16

⁵Выполнение заповедей в течение жизни обеспечивает душу так называемыми «одеяниями», см. Тания, гл. 5

Эли Люксембург

Волчонок ИТРО

Окончание, начало в №№ 1-3

Стоял сентябрь. Все трое мы въехали в новенький каменный дом. Каждый в свою квартиру. Выдали нам койки казенные с матрацами, одеялами, казенные табуретки, столы, газовые плитки. Все остальное предстояло заработать, наживать годами. Мы ведь приехали навсегда, навечно – не в гости.

Помню, был поздний вечер, сидели мы с Жанкой на голой кухне, пили чай и скучали.

Позвонили вдруг в дверь, вошел Максим.

«Привет, Максимушка!» - обрадовалась жена. И удивилась, взглядевшись попристальней: «Ой, да кто же тебя так отделал, бедненький?»

Увидел и я синяк у него под глазом. Лицо сизое, отечное. Весь он грустный какой-то, унылый. Спросил я его с сердечным участием:

- С хулиганами местными дрался?

- Не... милиция в Киеве отлупила! - вяло так, безучастно.

Мы ошалело с Жанкой переглянулись, подумали одновременно: «А малый того, свихнулся!». И разом затараторили, развеселившись, как от славной боксерской шутки.

- Дядька в Киеве, а бузина в огороде! Пепел Клааса стучит в моем сердце... Какая милиция, какой Киев? Да ты в своем уме?! Кто тебя пустит туда? Мы же позавчера тебя видели!

Максим ничуть не обиделся. Попросил у Жанки зеркальце и стал разглядывать свое лицо, осторожно массируя фонарь под глазом, раздутые щеки, губы. И вдруг я поверил. Увидев, какой он уже нездешний, чужой, будто его подменили. И руки его, руки гладиатора в свежих ссадинах, распухшие, точно олады, больше всего убеждали. Так бывает, когда бьешь в скулы, кости, дробишь людям зубы.

- Сволочи, их целая рота была, дубинками молотили... Знали, на кулачках хрен меня одолеешь, хрен свяжешь!

И поведал нам про «комарика», начавшего точить его мозг безумием, одержимостью возвращения в клетку, в тюрьму. Ибо обретенная, наконец, свобода этой «горилле» стала вдруг ненавистна.

В Лодѣ он сел в самолет румынской авиакомпании и прилетел в Бухарест. Взял билет на киевский самолет и прошлую ночь провел у своей любовницы, хохлушки Даши, на Крещатике. Был опознан одним из соседей, и на рассвете в квартиру пришла милиция. Вялый и сонный израильтянин Максим Зильбер был извлечен из теплой постели. Ему разрешили одеться, умыться, побриться и без лишнего шума предложили покинуть пределы Украинской Советской Социалистической Республики. Он согласился. Под усиленной охраной его доставили в аэропорт. И тут он закатил своим стражникам бой, решив отбиться. Милиционеры прекрасно знали, с кем имеют дело, и были готовы к любому развитию событий. Максима повергли на пол, топтали, били ногами. Связали, точно полено, заволокли в румынский авиалайнер, в грузовом отсеке он был доставлен в Бухарест, оттуда в Лод, где его передали израильским пограничникам.

«Румыния, сигуранца... Избиение с возвращением. Ну, просто Остап Бендер!» - разум мой всеми силами сопротивлялся, пытаюсь обратить все это в шутку. Я не знал, чему больше удивляться: фантастичности ли его авантюры или внезапной, необъяснимой слепоте пограничников трех держав?

Что с человеком случилось? Куда он рвался? В Бабий Яр, где был расстрелян однажды? Ведь был же кисет с пеплом, были истерики возле Стены плача! Я видел, как он целовал эту землю, проклинал прошлое. А какие строил грандиозные планы, мечтая увидеть израильских боксеров на олимпийском пьедестале почета с флагами и государственным гимном! Пейсы почему-то умиляли Максима больше всего.

До поздней ночи сидел он у нас на кухне, пил чай с рафинадом пожилой, несчастный еврей, весь в ссадинах, синяках, с кровавыми от веревок рубцами по всему телу. И родилась во мне жалость. Не осуждение, нет. Именно жалость. И даже предчувствие, что он плохо кончит, ибо «комарик» влетел в него на редкость подлый.

Поняв, что вломиться в Киев ему не светит, Максим решил попасть туда любимым путем. Через неделю он созвал пресс-конференцию, и на следующее утро газеты вышли приблизительно с такими заголовками:

“Русский медведь набрался вшей у Стены плача!”.

“Израильские пограничники зверски избили нового репатрианта!”.

“Археолог Петух религиозный фанатик и вымогатель!”.

“Израильский спорт безнадежное захолустье!”.

В ту пору за прессой я не следил, не знал языка в достаточной степени. Мне сообщил про это Нафтали, который по-прежнему нас опекал: следил за нашим бытом, успехами в школе. Нафтали Бен-Галь, крепенький старичок, суровый и справедливый.

«Феликс, немедленно приезжайте, - позвонил он мне. - Берите Артура, Максима, и все трое ко мне!»

Старик был зол, растерян, оскорблен в своих лучших чувствах. Вместо обычного кофе и угощений вынес нам на подносе гору газет и вывалил их на стол.

- Где вы видели вшей у Стены плача? Каких вшей вы могли там набраться, если ермолки на входе бумажные? И потом взгляните, Максим, на себя, вы же лысый! Далее, вы называете Петуха “вымогателем”... А на какие шиши вы купили билет на Киев, на Бухарест? Когда успели скопить огромную сумму? Не с тех ли денег, что так щедро платил вам Петух? Возомнили себя Самсоном, не поверили в чудо? Милый вы мой, да разве не чудо, что мы сидим в Иерусалиме? Сам факт, что вы в Израиле?

Максим листал газеты, любуясь своими фотографиями. Лицо его было непроницаемым. На вопросы Нафтали не отвечал, будто это его не касалось. Нафтали продолжал его распекать:

- Не вы первый, и не вы последний, к сожалению, кто приезжает в Израиль пламенным сионистом и превращается в ненавистника! Что за бес в вас вселился? Вы ведь прекрасно знаете, что пресса на Западе беспощадна. Им бы только товар с душком, со скандалом. Прекрасно знаете, что завтра же все советские газеты эту ложь перепечатают. С подробнейшими комментариями! Вы этого добились? Этого хотели? Отвечайте, Максим...

И тут загудел вдруг “комарик” Артура, впервые дал о себе знать:

- Я вас не понимаю, Нафтали! По какому праву вы задаете эти вопросы? Слава Б-гу, мы, наконец, в свободном мире, в демократическом государстве! Что вы Максиму рот затыкаете? Разве не волен человек выражать, что он думает? Пусть говорит, что нравится!

Странно мне было услышать такое от Артура Флорентина. Человека, сотворившего себя из нуля в мире, где правит ненависть, голая сила...

Родился и вырос Артур в большом московском дворе на Таганке. С детства был слаб и хил. Весь двор колотил и шпынял его, обзывал “жиденком”. Затравленный и озлобленный, он в двенадцать лет пришел в секцию штанги и через пару лет ликвидировал все последствия врожденной анемии. Но колотить его продолжали. Не сверстники, не мелкая шпана, а парни постарше - дворовые атаманы. Тогда он пришел на бокс. В семнадцать лет был уже бронзовым призером страны. Самый юный в Союзе мастер спорта по боксу герой и гордость Таганки.

Уже в Израиле, когда мы учились на семинаре, Артур в одну из суббот поехал на море, на золотые пески под Хадерой, в Неурим.

«Стоит там морская база за высоким забором, - рассказывал Артур. - Вижу, выгребают в море мальчишки на длинной такой посудине юнги. А с ними дядька - усатый морской волк. Сидит на носу, курит трубку, командует. Выплыли в открытое море, попрыгали в воду пацаны, стали купаться. А мне вдруг больно стало, обидно! всю жизнь я мечтал о море. До сих пор снятся мне яхты, парусники, морские просторы. Ведь я же “рыба” - Рыба мое созвездие... А бокс ненавижу, всю жизнь ненавидел! Если бы не двор на Таганке, ни за что бы не стал боксером... Я вдруг увидел еврейских юнг, еврейскую морскую базу. До боли в сердце захотелось в детство, в золотую мечту! Решил я поближе увидеть счастливых этих мальчишек! И стал пробираться к базе. По мелкой воде, по острым, режущим камням на животе, как змей. Плыву и плачу: почему я родился не здесь?»

Да, странно мне было слышать о демократии из уст Артура. Для кого он требовал право на ложь, на измену святым нашим ценностям? Нет, не своим он голосом говорил. Подозрительно это было. И объяснялось только одним: и его взялся “комарик” точить!

“Ну и Петух, ну и дела! - испугался я. - Теперь ведь за мной очередь, я остался... Что за беда на меня свалится?”

Вскоре пропал из Иерусалима Максим Зильбер. Исчез, сгинул, будто бес унес человека. Писали о нем в газетах, будто сидит в Вене, перед советским посольством. Каждый день меняет плакаты у себя на груди:

“Жертва сионизма!”

“Заблудший, обманутый сын своей советской родины!”

“Искуплю ошибку любой ценой: лучше в тюрьме на родине, чем у врагов на воле!”

И еще писали, уже напоследок, будто ввели, наконец, Максима в посольство, напустили советских газетчиков, представителей радио, телевидения. Что он им говорил, неизвестно. Но после, в Москве и в Киеве, чуть ли не целый месяц крутили ролики, печатали статьи мерзейшие...

Спустя несколько лет случилось мне разговаривать с одним земляком Максима. Спрашивал я его:

- Боксера Зильбера, небось, знали, слышали? Как сложилась его судьба в Киеве? Вернули квартиру, деньги отвалили большие? Такие услуги все-таки оказал...

- Да ты что! Убили, как падлу, в лагере! Туда ему, предателю, и дорога... Влепили десятку, а в лагере и прикончили. Он же в тюрьму просился!

Я был понятым, когда полиция вскрывала его квартиру. Казенная кровать с матрацем, стол, стулья, газовая плита, пара запыленных чугунных гантелей вот и все, что осталось после Максима. Гантели эти хранятся у меня по сей день. Я выпросил их у полиции на память о друге.

Стояла запертой в нашем подъезде еще одна квартира Артура Флорентина.

Артур находился во Франции, в Марселе. Бывший чемпион Москвы решил вдруг сделать карьеру на профессиональном ринге.

“Доллары, доллары, доллары, - писал он мне в письмах. - Хочу заработать тысячи, миллион! Куплю “кадиллак”, виллу, роскошно оденусь. И вместе с красоткой-блондинкой приеду в Москву. Приду во двор, где вырос, и стану кидать им в харю подарки дешевые из “кадиллака”: нате вам, шавки, нате, паскуды! Вон чего я добился!”.

“Деньги Артур заработает, если пойдет у него, повезет, - рассуждал я, читая эти дикие письма. - Оденется, купит себе машину, виллу. Но как он въедет в Москву, да еще с красоткой? Это уж он явно хватил. Разумный был, вроде бы, человек”.

И еще, как бывший ученик Джека Сидки, чемпиона мира среди профессионалов, я рассуждал: “Нет, у Артура ничего не выйдет! Его организм, привыкший к бою на три любительских раунда, ни за что не перестроится на пятнадцать профессиональных. Да и ставки неизмеримо разные: вместо стипендии в сто рублей и жалких талонов на бесплатное питание миллионы долларов и мировая слава в истории бокса”.

Через год он вернулся, тяжело опираясь о тросточку. С протезом вместо ноги. С преступным, нехорошим блеском в мутных, оплывших глазах.

Случилось, как я и думал: пару раз Артура попробовали в портовых кабаках, в дансингах, против средней руки профессионалов. И он проигрывал нокаутами. Затем случилось худшее – связался с преступным миром! Занимался наркотиками, контрабандой, промышлял сутенерством. На него открыл дело Интерпол. Однажды, скрываясь от погони, угодил в аварию, попал в госпиталь. Пришлось ампутировать ногу.

Вернувшись домой, в Иерусалим, Артур не успокоился. “Доллары, доллары, доллары”, - продолжал он бубнить мне и Жанке. В один прекрасный день уехал в Стамбул изучать турецкий массаж.

“А вот это у него пойдет, - обрадовался я. - Дай ему Б-г удачи! Массаж изучали мы в институте. Это модно сейчас, дело вполне респектабельное. К тому же, с его головой...”.

Он привез с собой из Стамбула растленную девку, пухлого, кучерявого мальчика, с трудом изъяснявшихся по-английски. Поселил их в своей квартире. Затем вошел в пай с дирекцией роскошного отеля “Царь Ирод”. Арендовал у них сауну, бассейн, буфет и спортивный зал. Но, не успев развернуться, влип в грандиозный скандал, ибо, кроме массажа и невинных занятий тяжестями, клиентам отеля в святом городе предлагались изощренные половые услуги, включая педерастию. Поднялся шум. Дело лопнуло, и Артур разорился.

Потом он уехал в Нью-Йорк и снова надолго исчез.

Пропал из квартиры и стамбульский кучерявый мальчик. Девка осталась, живет в подъезде по сей день. Девка эта приняла “гиюр”, сменив имя с Фатимы на Сару, неизвестно чем занимается.

С некоторых пор стал наезжать к нам Артур. Привозит сундуки со всяческим барахлом, японскую электронику, американские телевизоры с кассетными фильмами.

В редкие эти побывки Артур приглашает нас к себе. На тахте сидит, развалившись, его жена Сара Флорентин, грациозно курит кальян, преданными, собачьими глазами глядя в лицо мужа-добытчика. А тот травит нам байки про Нью-Йорк. Дескать, живу в мировой столице, работаю в большой фирме инженером-химиком. Давно сдал экзамены по языку и предметам, диплом московский признали...

А Жанка моя, человек простой, бесхитростный, рубит ему правду-матку в глаза:

«Ну, да, ври больше! Все говорят, что моешь машины на бензоколонках!»

* * *

Такова история про трех боксеров, приехавших однажды в Израиль с благими мечтами и великими надеждами, но так ни разу и не надевших перчаток ни себе во благо, ни своей новой и трудной родине. Судьба и случай распорядились иначе. С кем жестоко и неожиданно, а с кем...

Короче, вы поняли, почему мы напомнили Петуху троих советников фараона и почему я заделался спецом по Храму, по рабству египетскому?

Об этом лучше всего говорится в Агаде: "Размножились в Египте сыновья Якова и весьма усилились, и взошел новый фараон, который не знал Иосифа, и сказал: народ Израиля сильнее нас и многочисленнее. Давайте исхитримся ослабить его, либо совсем уничтожить, иначе станут они воевать против нас, и одолеют нас и землю нашу. Обратился фараон к своим мудрецам: что с Израилем делать? Сказал ему Валаам: каждого младенца мужского пола, который у них родится, в реку бросайте! Не станет у них обновления, так ты их под корень и истребишь. К Ийову фараон обратился, но Ийов не дал никакого совета: поступай, владыка, как тебе заблагорассудится... Итро же, священник мидьянский, так сказал: народ сей избранный Б-гом Всевышним, не трогай его! Своя судьба у него и свое на земле назначение. Станешь в воде их губить сам от воды и погибнешь! Послушался фараон Валаама стали младенцев еврейских в Ниле топить... И погиб фараон впоследствии в водах Черного моря, он и все его воинство. Самого Валаама тоже убили во время войны с Моавом, за его совет злодейский. Ийов же, за то, что не сказал ни доброго, ни худого сатаню был наказан, страдал плотью, потерял детей, имущество. Итро же, поверивший в чудо Израиля, породнился с Моисеем, отошел от язычества, уверовал во Всевышнего..."

Еще вам любопытно узнать, как я попал в иешиву? После первой той пресс-конференции, после гнусных и лживых нападок Максима на Петуха, совесть моя была неспокойна. Привели меня ноги к Стене плача, к нашему ангелу просить извинения за друзей, объясниться. А он будто ждал меня. Будто чувствовал, что я приду - именно я. Надел я на входе, как обычно, ермолку бумажную, а вышел из закутка в бархатной, Петухом мне подаренной.

Отвел он меня в иешиву, посадил у окна. Здесь и сижу я, бывший волчонок Сидки, по сей день. Сижу, учу Тору. С ребяташками, мне подобными из Уругвая, из Аргентины, из Штатов...

Платят, конечно, стипендию небольшую - это Петух мне устроил. Но и подрабатываю малость тренерским своим ремеслом. Начальство купило мне десять пар перчаток, пару мешков, груши, и тренирую я наших ребят, пейсатых и бородатых, у нас в подвале. Об этом и мечтал мой покойный друг, о пьедестале на Олимпийских играх, о наших парнях, пейсатых и бородатых великий Максим Зильбер, да будет благословенна о нем память.

С той минуты, как посадили меня у окна, покой и благость сошли в мою душу. Но так уж ведется: не может счастье быть совершенным! Есть "война иудейская" с Жанкой. Проблемы тяжелые: прошу ее соблюдать отдых субботний, "кашрут" завести на кухне, окунаться в "микву". Тяжело это ей, не под силу. За эти вот принципы и война между нами. Глухая, упорная, и перевес в этой войне пока не на моей стороне.

«Замуж, - кричит она мне, - выходила за одного человека, а жить заставляешь с другим! И этот другой хочет себе жену другую».

«А я меняться не собираюсь! - кричит. - Подобный пункт в программе моей генетической в этой жизни отсутствует. Оставь в покое меня. А лучше давай разбежимся! Стукнемся задницами и разбежимся...»

Я понимаю, баба права! И жду, упорно жду чуда в семейной жизни, не теряю надежды.

Хожу с ней часто к Кидронской долине, где мы работали на раскопках. Гуляем ночью под стенами, где выплыл однажды к небу заговоренный каменный параллелепипед, так резко изменивший три судьбы и Жанкину семейную жизнь.

Высоко над нашими головами прочерчен след на крепостной стене. След земли, кургана.

«Надо копать, всю жизнь копать, - принимаюсь я толковать жене. - Душу копать постоянно, непременно что-нибудь обнаружишь!»

Эли Люксембург – известный писатель, лауреат многих литературных премий, в Израиле с 1972 г. Его книга "Третий Храм", вывезенная на Запад в виде микропленки, вышла в 1974 г. в Иерусалиме и сразу принесла автору известность. Впоследствии вышли книги: "Десятый голод" (1983), "Прогулка в Раму" (1988), "Волчонок Итро" (1997). Произведения Эли Люксембурга издавались в Греции, России, Франции и США.

Живет в Иерусалиме, продолжает работать.

Адрес электронной почты: luksemburg@mail.ru

Интернет-сайт: www.elilu.info

«Благодарю ТЕБЯ...»

Из книги «Шулхан Арух а-Рае»:
 «...Как только человек проснулся, ему следует сразу же вспомнить о том, в присутствии Кого он позволяет себе лежать, - в присутствии Владыки владык, как сказано: "Вся земля полна славы Его!" (Йешаягу, 6:3). Это поможет преодолеть лень и немедленно встать. Постоянно осознавать присутствие Всевышнего – одно из главных требований Торы. Это – добродетель праведников, как сказано: «Постоянно помню о присутствии Б-га» (Теилим, 16:8). Известно, что, пребывая в одиночестве, человек ведет себя иначе, чем в присутствии могущественного владыки. И разговаривает он с королем не так, как говорил бы в кругу домочадцев. И когда вспоминает человек, что находится в присутствии не земного монарха, а самого Всевышнего, Владыки владык, Который видит все его поступки, как сказано: «Может ли человек спрятаться от Меня? Ведь Я присутствую везде – на небе и на земле» (Ирмеягу, 23:24), - наполняется душа человека страхом и смирением, и постоянно будет пребывать он в трепете перед Б-гом.

Немедленно после пробуждения следует приучить себя произносить молитву: «Мэйдэ Ани Лефонэхо Мелех Хай Векайом Шеэхезарто Би Нишмоси Бехэмло. Рабо Эмуносэхо». («Благодарю Тебя, Владыка живой и вечный, за то, что Ты, по милости Своей, возвратил мне душу мою. Велика моя вера в Тебя»). Эта молитва поможет человеку вспомнить о Б-ге, в присутствии Которого он находится, и встать без промедления.

И хотя закон Торы предписывает немедленно после пробуждения также омыть руки, молитву Мэйдэ Ани разрешено произносить даже с неомытыми руками, поскольку в ней нет ни одного из Имен Всевышнего, упоминание которых запрещено человеку, не омывшему рук.* Принято произносить эти слова, положив ладонь на ладонь и склонив голову...»

Учат наши мудрецы, что каждую ночь, когда человек засыпает, его Б-жественная душа возвращается в свою небесную обитель, где она должна представить отчет Всевышнему обо всех благих и дурных поступках, совершенных ею в течение дня при участии тела, в котором она пребывала. В молитве, произносимой перед сном, мы говорим: "Вручаю Тебе я душу свою. Ты избавишь меня от смерти, Всесильный, Б-г истины!" Это означает, что человек является должником Всевышнего и передает Ему свою душу в качестве залога. Однако Всевышний по Своей милости возвращает должнику залог, пусть даже он еще и не расплатился с Ним. И хотя залог этот (душа) уже далеко не новая вещь, Всевышний возвращает ее в тело каждое утро обновленную и очищенную.

Спать человек ложится "смертельно уставшим", встает же ото сна бодрым и полным сил. В Талмуде сказано, что сон – это малая часть смерти, ее одна шестидесятая. Это значит, что утреннее пробуждение можно уподобить «воскрешению из мертвых». И когда мы произносим: "Велика моя вера в Тебя", мы имеем в виду также нашу веру в то, что в будущем Всевышний оживит усопших, разбудив их от сна смерти.

Хасидское учение говорит нам, что молитва Мэйдэ Ани соотносится с самой сокровенной сущностью души еврея, осквернить которую или искоренить не способна никакая духовная скверна. Предыдущий Любавичский Ребе Йосеф-Ицхак Шнеерсон пишет: «Молитву Мэйдэ Ани еврей произносит, еще не омыв рук. Он произносит эти слова даже в тот момент, когда его руки "нечисты", ибо никакая нечистота не сможет осквернить «Мэйдэ Ани» еврея. Бывает, что ему недостает того или иного качества, но его «Мэйдэ Ани» остается неприкосновенным».

Со слов раввина Хаима Ашкенази, духовного наставника йешивы «Томхей Тмимим» в Лоде (Эрец-Исраэль): «Молитва «Мэйдэ Ани» не только выражает благодарность. Она определяет иерархию еврейских ценностей. Сначала идет Мэйдэ, и лишь потом – Ани. Это означает, что важнее всего для нас душа, и за ее возвращение мы благодарим Всевышнего (Мэйдэ), а уж затем еврей (Ани) берет эту душу и пользуется ею, в конце дня вновь возвращая ее Создателю.

Если бы молитва «Мэйдэ Ани» служила бы лишь выражением благодарности Всевышнему, было бы логичнее произнести ее на исходе дня и лишь в том случае, если день действительно прошел плодотворно...

Я знал одного еврея, который пережил Катастрофу и был духовно сломлен. Своей семье у него не было. Услышав однажды о помолвке своего брата, он не пожелал обычно в таких случаях «мазл тов». Когда этого человека спросили, почему он так поступил, тот ответил: «Как я могу желать ему «мазл тов» сейчас? Пусть пройдет время, у него родятся дети и тогда, если все будет благополучно, я с полным основанием скажу ему «мазл тов».

Также можно предположить, что «Мэйдэ Ани...» в конце дня, которым человек полностью доволен, будет звучать логичнее!.. Но тот факт, что еврей произносит это, едва открыв глаза утром, означает, что важнее всего не он сам, а его душа...»

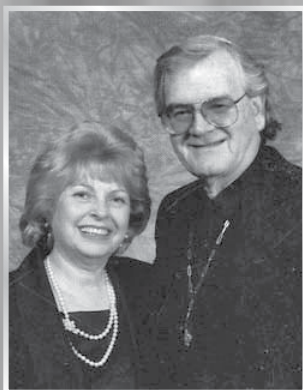
Подготовил
 д-р ШЛОМО РОЗЕНОЕР

* Законы, связанные с омовением рук, будут рассмотрены в следующем номере.

Серебряная чаша для ПРОРОКА

Окончание, начало в № 3

МИХЕЛЬ ШВАРЦ

Биографическая справка:

Художник Михель Шварц родился в Катскилле (шт. Нью-Йорк), в 1926 г. Талант к рисованию проявился у него с самого детства, и в 13 лет он был принят в нью-йоркскую школу искусств. Обучался в йешиве «Торас Хаим» (Бруклин), а затем, с четырнадцати лет, в йешиве «Томхей Тмимим» при «Севен Севенти». Связь с ХАБАДОМ и деятельностью Движения началась с пятнадцати лет и продолжается до сего дня. Работы Михеля Шварца можно увидеть также в Кнессете, в иерусалимском Сити-Холле, в Белом Доме и во многих синагогах и частных коллекциях.

КУПИТЕ БУКВУ!

Несколько лет прошло с того дня, как был учреждена организация «Цивос Ашем», и вот вновь Ребе отправил ко мне одного из своих посланников. Раввин Йосеф Райчик прибыл с новой идеей, как всегда – необычной, но актуальной и широкой по размаху.

Выступив на одном из фарбренгенов 5742 (1982) года, Ребе призвал всех евреев – и мужчин, и женщин – объединиться «единством истинным и вечным», приобретя буквы в «совместных» свитках Торы, которые должны быть написаны в их заслугу. Ребе призвал руководителей центральной любавичской йешивы «Томхей Тмимим» немедленно приступить к написанию свитка Торы для самих студентов, а также для тех, кто поддерживает йешиву, и для их семей. Ту же директиву Ребе направил руководителям школы для девочек «Бейт Ривка» и одновременно предложил написать особый свиток Торы, объединяющий (через посвящение букв) всех еврейских солдат, защищающих Эрец-Исроэль.

Какая же роль в этом грандиозном проекте отводилась мне?

Ребе хотел, чтобы я нарисовал картину, которая отражала бы широту замысла и его значимость. Мне не пришлось долго обдумывать сюжет и композицию нового проекта. Картина возникла в моем воображении почти сразу же, и мне осталось лишь перенести ее на бумагу.

Главная мысль, которую я хотел передать, заключалась в том, что нововведение Ребе относилось не только к хасидам ХАБАДА или, скажем, ортодоксальным евреям. Ребе хотел, чтобы в этом проекте были задействованы евреи всего земного шара – мужчины, женщины и дети.

Надеюсь, этот момент мне удалось отобразить верно (см. иллюстрацию на стр. 24).

СЕРЕБРЯНАЯ ЧАША ДЛЯ ПРОРОКА

Пять лет, с 1984 по 1989 г., мы с женой провели в Иерусалиме. В этот период мне довелось посетить еврейскую художественную выставку в иерусалимском отеле «Хилтон». На ней демонстрировались произведения более чем семидесяти художников, скульпторов и ювелиров. Один из них – Эли Нетаф – спросил у меня, почему я до сих пор не представлял свои работы в так называемой «ремесленной» области. Другими словами, он предложил мне попробовать свои силы в изготовлении религиозной атрибутики. И я решил – почему бы и нет? Так у меня появился замысел создать бокал Элиягу-пророка.

С древних времен известна эта красивая еврейская традиция – в конце пасхального седера наполнять до краев вином особый серебряный бокал, предназначенный для пророка Элиягу. Согласно учению наших мудрецов, пророк Элиягу – провозвестник эпохи Мошиаха и Освобождения – в пасхальный вечер посещает каждый еврейский дом.

Задача, которую я решил воплотить в жизнь, была не из легких. Я хотел создать нечто особенное, уникальное, неповторимое, не отклоняясь в то же время от стиля. Сам бокал я задумал в виде высокого прямого цилиндра, покоящегося на изящном пьедестале. Украшать бокал должны были стихи из песни «Элиягу а-Нави» («Элиягу-пророк»), которую обычно поют на исходе субботы. Изготовить я его хотел из серебра, используя золотое покрытие.

Результат превзошел все мои ожидания. Признаюсь, без ложной скромности, что был поражен, когда, наконец, увидел свою идею, воплощенную в жизнь из реального серебра и золота. Бокал (хотя этому изделию больше подошло бы название кубок ли даже чаша) выглядел очень торжественно и величественно.

Два месяца спустя мой брат, Моше Шварц, отправился по делам в США. Помимо прочего, он намеревался в одно из воскресений посетить и «Севен Севенти»,

чтобы получить долларовую банкноту от Ребе и его благословение. Я попросил его взять с собой бокал Элиягу и показать его Ребе.

Получив 28 долларовых банкнот для всех своих 28 внуков, Моше показал Ребе мою работу. Ребе внимательно изучил бокал и спросил: «Михель уже это продает?» «Пока нет, - ответил Моше, - это первый и пока что единственный экземпляр». Ребе снова внимательно осмотрел бокал, задумчиво повторил: «Единственный...» - и добавил: «...Жаль. Мне хотелось бы иметь у себя такой же».

Трудно описать те чувства, которые мой брат испытал в эти минуты. Никогда прежде (это известно из достоверных источников) Ребе не просил о подарках. Сотни, тысячи людей посетили Ребе за тридцать с лишним лет его деятельности. Многие из них приносили книги, картины, изделия собственного изготовления - и оставляли это Ребе. Но сам Ребе никогда не просил никаких подарков.

Растерянный и смущенный Моше ответил, что не может оставить здесь этот бокал, поскольку не получал таких указаний от брата, но

обязательно передаст ему просьбу Ребе. Ребе улыбнулся и попросил Моше передать брату его благословения и пожелания успеха.

Вернувшись в Эрец-Исраэль, Моше сразу же отправился ко мне. «Ты не поверишь, Михель...» - произнес он чуть ли не с порога и рассказал о своей встрече с Ребе.

Стоит ли добавлять, что, услышав всю эту историю, я тотчас же взялся за работу?

Бокал был готов незадолго до 86-го дня рождения Ребе, и я, радостный и воодушевленный, отбыл в Нью-Йорк, чтобы лично привезти Ребе свой подарок.

Улыбку Ребе, его глаза в тот момент, когда я передавал ему бокал, мне не забыть никогда.

***

Прошло несколько лет. Скажу честно, мне очень хотелось знать о дальнейшей судьбе бокала. И я об этом узнал.

По причинам здоровья мне однажды понадобилось лечь на обследование. Но прежде я решил заручиться благословением Ребе и отправился в «Севен Севенти». Дожидаясь в приемной секретаря Ребе раввина Гронера, я разговорился с одним из находившихся здесь же хабадников - Лейблом Быстрицким, который дежурил сегодня возле кабинета Ребе. (Незадолго до этого с Ребе случился первый сердечный приступ, и кто-то из добровольцев должен был постоянно находиться здесь). Лейбл был моим давним приятелем. «Знаешь, Михель, - вдруг сказал он, - а ведь твой бокал Ребе держит возле себя постоянно - с самого первого дня, как с ним все это произошло. Бокал стоит на маленьком, круглом столике, и Ребе никому не разрешает трогать его».

Новость потрясла меня до глубины души. Я даже не представлял себе такое!

Дождавшись раввина Гронера, я рассказал ему о своей предстоящей медицинской проверке и передал записку для Ребе с просьбой о благословении. «Скажите, рабби Гронер, - спросил я, прежде чем попрощаться, - мне сказали, что мой бокал Элиягу постоянно стоит возле кровати Ребе - с того самого дня, как случился приступ. Это правда?»

Раввин Гронер задумчиво погладил бороду и ответил: «Нет, Михель. Не с того самого дня. Ваш подарок Ребе постоянно держит в своей комнате с того дня, как вы ему его подарили».

Я на некоторое время лишился дара речи. «Вот уже четыре года, - продолжал раввин Гронер, - этот бокал стоит на маленьком, круглом столике, который когда-то принадлежал Ребе Махарашу, Четвертому Любавичскому Ребе. Он изготовил его собственными руками. После войны, когда Ребе находился в Париже, встречая мать, один из потомков Ребе Махараша передал ему этот столик». От раввина Гронера я узнал также, что к столику постоянно прислонены две трости - одна принадлежит рабби Леви-Ицхаку из Бердичева, а вторая - Ребе Рашабу, Пятому Любавичскому Ребе.

Что за чувства переполняли мое сердце, догадаться несложно. Весь день я думал лишь об одном: за какие заслуги я удостоился того, что мой подарок находится в тесном окружении таких святых предметов?..

«НЕ ЖАЛЕЙТЕ БУКВ...»

В одно из сентябрьских воскресений 1989 г. я стоял в очереди к Ребе. Протянув мне долларовую банкноту, Ребе улыбнулся и сказал: «Михель, примите заказ. Пришла пора нарисовать картину о том, каким будет мир, когда придет Мошиах».

Просьба была неожиданной, что и говорить. Никогда прежде Ребе не просил меня об этом. Да и вообще, не припомню, чтобы кто-то из моих коллег получал подобные заказы от раввинов или лидеров еврейских общин. Ребе, как всегда, был новатором в этой области.

Постепенно до меня начал доходить смысл просьбы. Вряд ли Ребе стал бы просить о такой картине просто ради того, чтобы мир искусства пополнился еще одной работой из области еврейской традиции. Я понял, что Ребе поручает мне ответственное дело, справиться с которым я обязан во что бы то ни стало.

Ребе, словно прочитав мои мысли, вручил мне пять долларовых банкнот и благословил на успех в новом начинании. Сидя в машине, я всю дорогу думал о поручении Ребе. Признаться, я даже не знал, с чего начать.

Для начала я решил посоветоваться с двумя наиболее близкими к Ребе хасидами – раввинами Гронером и Гехтом. В этот же день, ближе к вечеру, я вернулся в Кроун-Хайтс. Раввин Гронер был у себя в кабинете. Пересказывать сегодняшнюю беседу с Ребе не имело смысла, поскольку раввин Гронер был свидетелем нашего разговора, и я сразу перешел к делу, выразив все свои сомнения. «Михель, - ответил мне раввин Гронер, выслушав меня, - скажу честно, я удивлен не меньше вашего. Могу добавить лишь, что если Ребе поручил вам эту задачу, значит, вы единственный, кто может с ней справиться...»

После этого я отправился к раввину Гехту, моему старому другу и почитателю. Он все еще находился на своем рабочем месте. «Михель! – воскликнул он, выслушав меня. – Ребе сделал тебе отличную подачу!.. У тебя нет выбора – бей по воротам!..» Я только пожал плечами. «Послушай, - сказал мне раввин Гехт, - если хочешь, напиши Ребе, спроси, что он думает по этому поводу. Получишь ответ – и действуй!»

Я задумался. На ум вдруг пришла известная поговорка: «В Любавичах два раза не спрашивают». «Знаешь, Янкель, - произнес я задумчиво, - это отличная идея, но все же я попробую справиться сам».

По дороге домой я все обдумывал фразу раввина Гронера: «...Если Ребе поручил вам эту задачу, значит, вы единственный, кто может с ней справиться...»

Картина, которую я должен был изобразить, требовала размаха мысли. В ней я решил отразить все изречения и идеи о приходе Мошиаха, которыми изобиливали первоисточники: ТАНАХ, Мишна, Талмуд, пророчества мудрецов.

По самым скромным расчетам работа должна была занять около двух лет.

Теперь все свои соображения нужно было обсудить с Ребе, и я, позвонив раввину Гронеру, договорился о встрече. Поскольку в своем кабинете Ребе посетителей уже давно не принимал, раввин Гронер попросил меня приехать в ближайшее воскресенье, в половине второго пополудни, чтобы я мог встретиться с Ребе во время традиционной раздачи долларов. В ходе нашей беседы я поделился с раввином Гронером своими соображениями по поводу картины. Я сказал, что собираюсь написать картину, не изменяя своему стилю – буквами. Правда, на этот раз я изначально определил для себя границу – в картине должно быть не больше 304805-и букв, что соответствовало числу букв в свитке Торы. Раввин Гронер с энтузиазмом отнесся к моей идее.

Ровно в 13:30, в воскресенье, я подошел к «Сефен Севенти». Минуту очередь, меня провели прямо к столу с долларовыми банкнотами, возле которого стоял Ребе. Ребе улыбнулся мне и пожал руку. Я сразу же перешел к делу: «Хочу изложить Ребе кое-какие идеи касательно будущей работы». Ребе посмотрел мне

в глаза, снова улыбнулся и вдруг произнес: «Не жалейте букв для этой картины». Я опешил и взглянул на раввина Гронера. Его лицо выражало полную растерянность...

Работа началась. Первым ее этапом был сбор информации. Требовалось найти и собрать тысячи стихов, изречений, упоминаний и ссылок о Мошиахе и Освобождении. Слава Б-гу, мне очень помог мой брат Моше. Он пропустил через себя огромное количество материала. Не знаю, что бы я делал без его поддержки и помощи.

Покончив с первым этапом, я приступил непосредственно к работе. Весь процесс был весьма трудоемким. В картину требовалось вместить более трехсот тысяч букв. Я ощущал себя настоящим сойфером, который приступает к написанию свитка Торы.

Вся работа заняла у меня в общей сложности почти три года и завершил я ее незадолго до дня рождения Ребе. Как оказалось, я превысил запланированную норму. Вместо 304 805 в картине оказалось 387 000 букв...

Перевел с англ. Эли Элкин

СТИХИ

О НЕИЗВЕСТНОМ ХАСИДЕ

ВОЕННО-ПОЛЕВОЙ РОМАН

..... ●
МОТЛ ЗАЛИХВАТСКИЙ

Ищут военные, ищет милиция,
Все участковые нашей столицы
Ищут давно, но не могут найти
Хасида какого-то лет двадцати.
Среднего роста,
Плечистый и крепкий,
Ходит он в черном костюме и кепке,
В Тании сведущ, знает Талмуд,
Вовсю презирает
Общественный труд,
Пейсы растут на висках у него,
Больше не знают о нем ничего...

...Ехал однажды в казенном авто
Прапорщик важный - неведомо кто.
Ехал весною из военкомата,
Песенку пел из нехитрого мата.
Возле него на сидении справа
Ехали также в порядке устава:
Пять рядовых
На действительной службе,
Три автоматчика, просто по дружбе,
Два понятых с бородой и в усах
И участковый с отвагой в глазах.
Думая лишь о задании важном,
Все преисполнены духом отважным.

Вот подъезжают, поправив фуражки,
Ко входу обшарпанной многоэтажки
Точно по графику - восемь утра.
Всем отстегнуться, на выход пора!
Вышли тихонько, упали - отжались,
Быстро на первый-второй
Рассчитались
И, сохраняя порядок и строй,
Дружно наверх побежали гурьбой.
Третий этаж и четвертый и пятый -
Лифт вызывать не умеют ребята -
Номер квартиры похож, и теперь
Прапорщик тихо колотится в дверь...

Там, за столом,
С молодецким задором
Хасид наш запоем читал
"Мишнэ Тора".
Стилем и языком наслаждался,
Спорил, искал, находил, соглашался.
Но, поглощенный учебю, вдруг
Слышит он в дверь
Подозрительный стук.

Парень напрягся. Природа сама
Ему подсказала спросить:
"Ма нишма?"

Слышит в ответ он:
"Отставить, браток!
Мы поучиться б хотели чуток,
Хоть мы совсем неученые с виду,
Но все же мы, брат,
Из хабадских хасидов.
Учимся все мы в йешиве далекой,
Здесь мы пролетом,
Всего на часок мы,
Хочешь, поехали с нами, братва,
Поможем устроиться года на два..."

Парень в ответ:
"Неудобно мне прямо,
Но в данный момент я общаюсь
С Рамбамом.
Если хотите, тогда подождите,
Или пока на мивцоим сходите."

Прапорщик чешет затылок
В сомненьях,
Три автоматчика в недоумении,
Все совещаются между собой
И участковый трясет головой:
"Это, товарищ, для нас неизвестно -
Что за мивцоим и где это место?
Ты объясни уже нам, ради Б-га,
Это, наверное, синагога?
Да и у нас через час самолет.
Может Рамбам твой
Попозже придет?"
"Ясно все мне, - отвечает хасид им, -
Вам, прапорюги, себя я не выдам.
Лучше я буду спать под забором,
Но не продам нашу вечную Тору!"

Прапорщик всем оглашает приказ:
"Быстренько дверь вышибайте
На раз -
Быстро построились!
Вместе со мной!"
Все разбежались - вперед головой...
Книгу закрыв и погладив обложку,
Бросился парень скорее к окошку,
Настеж мгновенно его распахнул
И поступью твердой наружу шагнул.
Слышно, как дверь

От ударов трясется,
Парень вперед по карнизу несется.
Шаг, остановка - и вот уже он
Вылез почти на соседский балкон...

С грохотом падает дверь от тарана,
Три автоматчика, как партизаны,
Рвутся вовнутрь. За ними вослед
Прапорщик мчится,
Достав пистолет...
...Видели бабки, глядящие снизу -
Кто-то пейсатый шагал по карнизу.
Вот и балкон, и труба впереди -
Но это еще половина пути.
Рубашку и цицис испачкав себе,
Парень спускается вниз по трубе...

... "Блин! -
Говорят автоматчики дружно, -
Тут уклонившихся не обнаружено!
Все осмотрели, буфет, туалет.
Кроме "бычков", уклонившихся нет!"
Прапорщик лично обходит три раза -
Смотрит
Под шкафом и под унитазом...
Но кроме плаката "Эй! Ад Мосай!"
Нет никого, хоть погоны кусай!
Вот подошел он печально к окну,
Плюнул, глазами спровадил слюну,
Вдруг замечает - ну надо ж себе -
Кто-то спускается вниз по трубе!..

Лестницы под сапогами трясутся -
Люди с восьмого на первый несутся,
Только догнать никого не смогли -
Парень достиг наконец-то земли.
Не задержавшись ни на минутку,
Он очень удачно «застопил» попутку.
Борух Ашем, обернулось все так,
Что ей оказался родной мицвотанк.
Кепку поправив и крикнув "Шалом!",
Парень бесследно исчез за углом...

Ищут военные, ищет милиция,
Все участковые в нашей столице
Ищут давно, но не могут найти
Хасида какого-то лет двадцати.
Многие парни плечисты и крепки,
Многие носят костюмы и кепки,
Пейсы и цицис у многих ребят.
В армии, гады, служить не хотят!..

МУЗЫКАНТ

ЭЛИ ЭЛКИН

Бытует в народе мнение, что человек верующий, религиозный обязательно должен быть аскетом, чураться всего мирского, а уж если и одеваться, то непременно во что-нибудь светонепроницаемое. Говорит он должен тихо, опустив очи долу, и непреходящий атрибут его – молитвенник, с которым не расстанется он ни днем, ни ночью.

Это – в общем. А если переходить на частности, то и здесь картина не радужнее. Возьмем, к примеру, нашего брата-еврея. «Клейкий ярлык, как отметка на лбу», как пел Высоцкий, и здесь наготове: борода, пейсы (непрененно!), черная шляпа и... Ну конечно же – Талмуд! О, религиозный чудей, раскачивающийся над Талмудом, излюбленный персонаж «еврейских» анекдотов, вечный символ нашего народа, сколько посвящено тебе дифирамбов, од и просто сплетен!.. Добровольно отрешившийся от земной суеты, навесивший на себя ярмо древних, странных обычаев, из которых подавляющее большинство – запреты и ограничения, лишенный ВСЕХ радостей жизни, куда катишься ты? Дай ответ!.. Не дает ответа...

И правильно делает.

Потому что нет у него времени на пустые разговоры. Потому что день у него разбит строго по часам. Потому что помимо Талмуда и прочей религиозной деятельности есть у него жена и дети, которым он обязан посвятить часть времени, и работа, которая (Внимание! Уникальный случай!) – И ИСТОЧНИК ДОХОДА, И ЛЮБИМОЕ ДЕЛО.

Впрочем, я затянул с предисловием.

Итак, Мойше Янковский – хасид Любавичского Ребе, примерный семьянин, мультимузыкант, один из лучших рок-барабанщиков и перкуссионистов Израиля, и, наконец, просто – хороший человек! С ним я и беседую, что называется, по душам...

- Мойше, знаешь, мне иногда кажется, что из арсенала душ, ожидающих своей очереди спуститься в этот мир, для твоего тела Всевышний выбрал самую по-

ующую и приплясывающую. И как только она соединилась с телом, в мире на одну долю гармонии стало больше.

- Возможно, отрицать не буду. Музыка – это моя жизнь. Не представляю, что бы я без нее делал.

- Вот мы и начнем с самых первых дней твоей жизни. Расскажи, как водится, немного о себе.

- Легко сказать... Ладно, попробую... Родился я в Ленинграде-городе, одном из самых музыкальных городов Советского Союза. И хотя родители профессиональными музыкантами не были, отец любил Высоцкого, цыган да и сам очень хорошо играл на семиструнной гитаре и пел, разумеется, тоже.

В 1975 году, на гребне эмигрантской волны в Америку отбыл брат отца, дядя Аркаша. Оттуда, «из глуши и дебрей чуждых нам систем», он начал присылать нам образцы тлетворной, морально разлагающей музыки – виниловые пластинки.

- Что за пластинки, если не секрет?

- Ну что тогда было популярно? Донна Саммер, «Юрай Хип», «Пинк Флойд». Вот такие записи и слал. Музыка эта постоянно звучала у нас в доме, и я рос вместе с ней.

- Увлечение хорошей музыкой бесследно не проходит. К чему-то это должно было привести, верно?

- Точно. В какой-то момент отец почувствовал, что одними пластинками сыт не будешь. Был собран семейный совет – папа, мама и старший брат Лева – на котором и решили отдать меня в музыкальную школу.

- Сразу на барабаны?

- Нет, конечно. Виолончель. Барабаны были впереди. Моим первым преподавателем был строгий, но справедливый Анатолий Кондратьевич Филатов, первая виолончель в Кировском театре. От него я много чего хорошего перенял. Год я усердно водил смычком по струнам, а потом...

- Надоело?

- И да, и нет. Понял, что смычковые – не мой удел. Хотелось динамики. А тут еще мои родители решили, что пора уезжать. Подали документы, мотивируя свой отъезд желанием воссоединиться с родственниками, но получили суровый отказ. Год тогда стоял самый застойный – 1978-й. А моя мама, инженер-связист по специальности, оказывается, проектировала в 1969 г. телефонную линию для «Большого Дома» и, соответственно, попадала в разряд «невъездных». Но родители, хотя и оказались в опале, как и многие из «отказников», не пали духом и продолжили штурмовать ОВИР.

- И вот тогда ты решил, что будешь барабанить? В знак протеста...

- Меня, конечно, из школы забрали. Мой учитель, замечательный человек, прощаясь, упрасивал отца не прекращать музыкальное образование сына. Так что играть я продолжал. Но жизнь, как ты знаешь, следует исключительно своей, никому непонятной логике. Почему-то в результате игры на виолончели у меня проявилась любовь к отстукиванию ритма. Еще во время занятий музыкой вращал виолончель туда-сюда, отбивая ритмы по деке

(пока преподаватель не видел). А дома барабанил карандашами по столу, игрушечным машинкам и прочим предметам.

Отстукивал в основном «Ночной полет на Венеру» популярной тогда группы «Бонни М».

- И как долго ты стучал карандашами?

- Я бесконечно благодарен своим родителям за проявленное терпение и покладистость. Когда я стал упрашивать отца купить мне хотя бы винтик от ударной установки, в доме появился первый ударный инструмент – тарелка и две щетки. А спустя еще некоторое время – настоящая ударная установка, рижский «самопал» пополам с немецкой «Тривой», ценою в 500 рублей.

- Серьезные деньги по тем временам!..

- Богачами мы не были, сумму пришлось занять, но ради моей музыкальной карьеры родители пошли на этот шаг.

- Ну, хорошо. А вот что насчет еврейского самосознания? Как-то это переплелось с музыкальной стороной твоей жизни?

- А как же!.. Впервые в качестве барабанщика я попробовал свои силы в еврейском ансамбле «Лехаим», который был создан одним из ленинградских «отказников» - Борей Фридманом - в отместку за отказ. Во время домашних концертов, помимо крамольного репертуара («Ам Исраэль Хай» и пр.), звучали лекции по истории еврейского народа, тайно постигались азы иврита. Там я, кстати, впервые познакомился с алеф-бейтом и еврейской историей вообще.

- Чувствовал гордость оттого, что ты еврей?

- Как тебе сказать... Я ведь тогда совсем пацаном был. Но гордость оттого, что стучу по настоящим барабанам в настоящем ансамбле, очень даже испытывал.

- И долго играли?

- Не очень. «Гэбэшники» пронюхали о нас довольно быстро. Мою маму вызвали куда следует и сообщили, что сын ее играет в еврейском ансамбле. «Но у нас же многонациональное государство! – возразила она. – Есть украинский ансамбль, есть белорусский ансамбль, есть мордовский ансамбль!.. Это национальная культура!..» «Нет, - ответили ей, – это не национальная культура. То, к чему

приучают вашего сына, называется националистическая пропаганда», - и добились уже менее официально: «Вы сидели тихо до сих пор?..

Продолжайте сидеть тихо. Мы вам очень рекомендуем». Подпольные концерты пришлось прекратить, и на этом первый этап знакомства с еврейской жизнью закончился.

- И дальше что было?

- Музыка, музыка и еще раз музыка. Честно отбарабанил в музыкальной школе, потом в 15 лет поступил в училище, и наконец подался в военный оркестр воспитанником, чтобы в случае чего отдавать Родине долг (возраст приближался к призывному) недалеко от дома.

- А вкусы музыкальные?..

- Формировались, менялись. Началось увлечение джазом, арт-роком, хард-роком. Знаменитый питерский рок-клуб на Рубинштейна, 14 стал чуть ли не домом родным. Все больше появлялось друзей-музыкантов. Ну и конечно же – разные домашние «сейшнс» с участием Бориса Гребенщикова и других. Между прочим, под влиянием одного из приятелей, Ильи Лернера, я честно пытался ходить в питерскую синагогу. Эти визиты произвели впечатление, но не более того.

- Но уехать все же удалось?..

- Да. В 1987-м, уже не таком страшном году родители вновь подали документы

на выезд, и в течение совершенно рекордного срока (две недели!) разрешение было получено...

- Итак, «...привет из Австрии. Свободный Рабинович». За граница потрясла воображение?

- Еще как!.. Путь у нас был стандартный по тем временам, через Италию. Что меня больше всего поразило, так это вседозволенность местного радио. Композиции моих любимых групп и исполнителей («Джетро Талл», Джимми Хендрикс, «Дженесис» и др.) звучали целыми концертными альбомами. Я даже не представлял, что такое возможно!.. Целыми днями только и делал, что записывал все это на кассеты. Так что в Нью-Йорк приехал, как говорится, «затаренный».

- И как тебя встретил «город контрастов»?

- Ты знаешь, нормально. Ностальгия, во всяком случае, не мучила. Первое время работал в магазине у дяди, а потом решил все же попробовать себя в музыке.

- Смелый шаг!..

- Да какое там! Смелым он был, если бы я попытался податься куда-нибудь на Радио-Сити. А так – Брайтон-Бич, «жемчужина у моря». Но, слава Б-гу, карьера ресторанный музыканта не сложилась изначально. Отговорил один умный человек, пианист одного из брайтоновских ресторанов. «Не связывайся с этим, - сказал он, - если ты музыкант, не иди в ресторан работать. Потом не вылезешь». Послушался. И не жалею.

...На работу я все же потом устроился. Причем на неплохую работу, которая позволяла, не беспокоясь о хлебе насущном, заниматься по вечерам любимым делом – музыкой. Хотя скажу честно, я назвал бы это не работой, а хорошо оплачиваемой каторгой. Утешала лишь мысль о пятнице, когда вечером можно было расслабиться, забыть о ненавистной работе и засесть с друзьями в студии где-нибудь в Манхэттене. С кем-то у меня был арт-роковый проект, с кем-то рок-н-рольный. Музыка позволяла отрешиться от грубой реальности, и всю следующую неделю я снова ждал пятницы.

- Если не ошибаюсь, именно в Манхэттене у тебя произошла первая историческая встреча с ХАБАДОМ?

- Не ошибаешься. Случилось это уже в 1993 году, погожим летним днем, в законный выходной. Я шел репетировать к каким-то жутким «металлистам». И вдруг неподалеку от Сити-Холла меня остановили двое, в черных костюмах и шляпах. И это – в четыре часа дня, в тридцатиградусную жару! Не понимаю, как они меня вычислили!.. В огромной толпе идет человек в шортах, длинноволосый, и вдруг в твою сторону указывают рукой и кричат: «Ар ю джуиш?» «Да», - отвечаю. «Тфиллин надевали сегодня?» «А что это?» Тут мне показали два черных предмета, чем-то напоминающих миниатюрные фотоаппараты, и объяснили, что один из них необходимо надеть на руку, а второй – на голову. От этих предметов, не знаю почему, повеяло на меня какой-то древностью: бархатный чехол, кожаные ремешки... Я сразу же захотел их надеть, представляешь?.. Один из ребят помог мне это сделать, и я испытал такой «кайф»!.. Опять же – не знаю, почему. С тех пор сам подходил, когда настроение было, и не боялся, когда останавливали и спрашивали.

- Но Америка тебя надолго не задержала?..

- Не задержала. Нечему было задерживать. Жизнь текла своим чередом – работа, выходные, студия. И хотя музыки было много и в «тусовках» не было недостатка, все же чего-то не хватало. Тяготила работа,

хотелось играть исключительно свое, участие в чьих-то проектах не удовлетворяло, остро росла потребность в СВОЕЙ группе. А тут еще, сам понимаешь, не обошлось без...

- Наркотики?

- Они самые. А почему нет? Зарплата позволяла. Опять же – свободный образ жизни. Не хочу особо много распространяться, но «засел» я крепко. При этом много раз останавливался, даже лечил-

ся, но рано или поздно начинал по новой. В общем, болото засасывало капитально.

- И ты решил – пора в Святую Землю!..

- Не так, конечно, торжественно, но все же решил, что неплохо побывать хотя бы пару недель в Израиле. Идея, правда, долго оставалась идеей и вполне возможно, ею и осталась бы, если бы не ряд обстоятельств.

Во-первых, мой друг еще по Питеру, Деня Стерник, уехал жить в Израиль. (Хотя евреем в семье у него был только папа, он почему-то, имея возможность взять фамилию матери, Баженов, взял фамилию отца, и этой своей еврейской стороны совершенно не стеснялся.) Так вот, как только он оказался там, сразу же начал прокладывать себе дорогу в Нью-Йорк, чтобы со мной встретиться. Очень хотелось играть вместе. После нескольких бесплодных попыток Деня в очередной раз позвонил мне и спросил: «Послушай, а что ты там вообще делаешь? Приезжай сюда» Тут я на мгновение задумался, а потом произнес: «А ведь это мысль!..»

Кроме того, в Нью-Йорке я познакомился с одним интересным человеком, Владимиром Максимовым, экстрасенсом и целителем. Он сам был страстным меломаном, да и я некоторое время кое-чему у него обучался. Однажды я пришел на занятие после хорошей дозы, отрешенный от всего земного. Он сразу же это увидел. Состоялся разговор. И он сказал мне: «Послушай, тебе здесь делать нечего. Америка – не для тебя. Тебе надо жить там. Там – вся твоя работа, там – вся твоя музыка. Там есть люди, которые тебя любят и ждут». И это был второй звонок.

А тут еще Илья Лернер, флейтист, тот самый, который таскал меня в питерскую синагогу, - он же, кстати, и уговорил уехать в Израиль Дениса, - приехал ко мне из Израиля в гости, посмотрел, как я живу, и ужаснулся. «Уезжай немедленно», - сказал он мне. И я решил.

- Вот так вот все бросил, купил билет и – с зубной щеткой в кармане?..

- Ну

не так романтично, конечно. Уезжал не только с зубной щеткой. Вез с собой тринадцать сумок: в одиннадцати вся моя ударная установка и две сумки с дисками.

- И пропустили???

- Честно скажу, ничего не помню.

Ни таможду, ни пропускной пункт. Я ведь перед отлетом твердо решил: бросаю, завязываю. Состояние было еще то... Взял с собой таблетки, которые облегчают «ломки», принял их все – ничего. И тогда я понял, что сейчас начнется самое интересное.

В самолете мне стало совсем плохо. Колотило, бросало в пот. Думал, не выдержу. Впал в какое-то забытье, задремал. Прихожу в себя – заслонки на иллюминаторах подняты, яркий свет бьет по глазам. Который час, где летим – понятия не имею. Оглядываюсь вокруг и с ужасом обнаруживаю, что люди вокруг меня словно в каком-то едином порыве закатывают левый рукав!.. В затуманенном мозгу вспыхивает мысль: «Б-же мой! Куда я попал? Что они собираются делать?»

- Скандала, надеюсь, не поднял?

- Это сейчас смешно. Тогда мне не до смеха было. Только когда увидел знакомые «фотоаппараты», все понял. Представляешь, до какой степени я был тогда болен?.. На всю жизнь эту сцену запомнил.

- Скажи, а как тебя в Израиле-то пропустили – с таким количеством багажа?..

- О!.. Всевышний вел меня за руку. Это я сейчас понимаю. Прилетел я как турист. Должны были взять пошлину. Но тамождня в этот день бастовала!.. Прошел все барьеры Бен-Гуриона, словно и не вез ничего!.. А там, в зале ожидания, уже стоит Деня с друзьями. Чуть не задушили в объятиях друг друга. В общем, запихнули меня и вещи в машину и повезли – встречу отмечать.

- Что чувствовал в эти минуты? Или тоже – как в тумане?

- Нет, здесь воспоминания уже резкость приобретают. Помню, что физически было просто тошно, но душа – пела...

Продолжение в следующем номере

а пока что рекомендуем посетить веб-сайт Мойше Янковского:

www.mdrums.blogspot.com

